

Политов Виктор Иванович

Собрание сочинений

Т. 2 Поэзия

Серафимович
[Выберите дату]

ББК 91.9:83.3(2Рос-Рус)6(2Рос-Вог)

П 0

Составители:

Ответственный за выпуск:

Политов Виктор Иванович, Собр.соч в 3х т 2 Поэзия [сост]. Серафимович, 2014. – +++ с.:
портр

ББК 91.9:83.3(2Рос-Рус)6(2Рос-Вог)

© Серафимович

, 2014

Оглавление

1. Из архива В. Политова

2. Поэмы

ПАМЯТЬ

ВОЙНА (НАДЯ) (ПОЭМА)

ВЧЕРА И ЗАВТРА (ПОЭМА)

БАБИЙ ВЕК (ПОЭМА)

МАГЕЛЛАНЫ ВСЕЛЕННОЙ

3. СТИХИ

1. РОДИМОЕ...А У НАС И КУРЕНЯ, И ХАТЫ,

2. КАЗАЧЕСТВО А СТЕПЬ ШИРОКАЯ, БЕСКРАЙНЯЯ,

3. ДАР

4. МАТЕРИ

5. ОТЦУ

6. ВЫРОС Я НА УЛИЦЕ У ДОНА,

7. МИННОЕ ПОЛЕ

8. ДРУГУ ДЕТСТВА

9. ЛЮДИ, ЛЮДИ — ЛЕБЕДИ БЕЗ КРЫЛЬЕВ

10. МОЙ ДРЕВНИЙ КРАЙ ДОЖДЕЙ И ВЫЮГ,

11. МОЙ ХРАМ

12. ВЕЩУНЬЯ

13. КОВЫЛЬ

14. ПРОСТОР

15. СТЕПЬ

16. МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА

17. РУСАЛКА

18. НОЧЬ

19. ЛЕС — МОЙ ДОМ,

20. ГРУСТЬ

21. ЗАРЯ

22. ЗИМНЯЯ НОЧЬ

23. ОКНО

24. СКАЗКА

25. СНЕГ ЗАКОЛДОВАННЫМИ ЛАПАМИ

26. ОТТЕПЕЛЬ

27. ЗИМНЯЯ ДОРОГА

28. ПРЕДКУ

29. КОСТЕР ГОРИТ

30. ЗВЕЗДА РЫБАКА

31. ЗАХОД СОЛНЦА

32. СЛЕДЫ НА ВОДЕ

33. ДОМИК НАД ДОНОМ

34. В МОЕ ОКНО ЗАГЛЯНУТ ЗВЕЗДЫ

35. КРУГОВОРОТ

36. ПОПУТЧИЦЕ

37. ПРОЩАЙ

38. НЕИЗВЕСТНОЙ

39. ХУТОРОК

40. ЛЮБИ МЕНЯ, ЛЮБИМАЯ

41. ЭТИ РУКИ, ПАХНУВШИЕ МЯТОЙ

42. КОСЫ

43. ВЕРНОСТЬ

44. ПЕСНЯ ЖИЗНИ

45. ОБЕТ
46. ПРОСТИ МЕНЯ, Я ПОЗАБЫЛ
47. ПОД ДВЕРЬЮ
48. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ
49. ГНЕВ
50. ПРОСЬБА (ЛЮДИ, Я НЕ НИЩИЙ...)
51. МУЗА
52. СОВЕСТЬ
53. РОССИЯ
54. ЯЗЫК
55. ГДЕ СТЕКЛО ЗАДУМЧИВОЙ ВОДЫ
56. Я ВДАЛЬ СМОТРЮ, КОГДА ТЕМНО ВОКРУГ,
57. СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ
58. НАСТОИ ТРАВ. СЕРЕБРЯНЫЙ ТУМАН
59. АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ
60. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?
61. ТАТАРИН, СЛАВЯНИН И ТУРОК
62. ЗА ОКРАИНОЙ ХУТОРА
63. ЛЮБЛЮ БЫВАТЬ НА ХУТОРАХ,
64. УЛЫБКА СУДЬБЫ — И НА БЕЛЫЙ СВЕТ
65. ДОНСКИЕ БЫЛИ
66. ЛЕТНЯЯ НОЧЬ
67. ЁЛОЧКА
68. В СТАРИНУ
69. РОЖДЕСТВО
70. ПТИЦА
71. ГОРЛИНКА
72. ГИМН ГОРДОСТИ
73. КАРУСЕЛЬ
74. ЖАЖДА
75. РЕВНОСТЬ
76. ТИШИНА
77. СТАНИЦЫ, ХУТОРА, ДЕРЕВНИ
78. СЛЫШУ ЛЕСА ТИХИЙ РОПОТ
79. ПРЕВРАЩЕНИЯ
80. О СУДЬБЕ
81. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
82. СПАЛЮ СЕБЯ НА СИНЕМ ПЛАМЕНИ
83. ХОЧУ Я ЧЬЕЙ-ТО ПОХВАЛЫ
84. ТАЛАНТ
85. ЗАПОВЕДИ
86. ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС
87. ВОЙНА
88. Я ВСЕГДА СТАРАЛСЯ ДЕРЖАТЬСЯ НА ТОЙ ГРАНИ,
89. КЕЛЬЯ МОЯ, КАК УЩЕЛЬЕ
90. СТУЧИТЕ, МИЛЫЕ ЧАСЫ
91. ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ
92. РАЗДУМЬЯ
93. ЛАВРЫ
94. ДЕДОВЫ БЕДЫ
95. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ
96. КАКАЯ БОЛЬ!
97. СОНЕТНОЕ
98. КОГДА УШЕЛ ОДИН Я В ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ
99. ДОМА ВАМ, УШЕДШИЕ ТРЕВОГИ. УЛЫБАЮСЬ
100. ЭТИ ТОРНЫЕ ДОРОГИ

101. СТИХИ, НАПИСАННЫЕ КРОВЬЮ
102. ОТДАЙСЯ СТРАСТИ ЦЕЛИКОМ
103. СКВОЗЬ ГУЛ ТУПОЙ ТОЛПЫ
104. ВСЁ РАВНО Я ОСТАНУСЬ ТАЙНОЙ
105. МОЛИТВА
106. РЕКВИЕМ
107. ЗАБВЕНЬЕ, ВЕЧНОСТЬ, ПУСТОТА
108. НИ ДЕНЕГ, НИ СЛАВЫ, НИ ИЗДАННЫХ КНИГ
109. СУД
110. СКОЛЬКО СЛОВ ХОРОШИХ БЫЛО СКАЗАНО
111. ЖЕЛАНИЕ
112. ЗАПЕЛА ТЫ ПРО СИНЬ ЛЕСНУЮ,
113. СТИХИ НА ФОЛЬГЕ
114. ВЕЧЕРНИЙ СУМРАК, ТИШИНА
115. НОЧЬ СВЕТЛА И ЛЕГКА
116. ПРОЩЕНИЕ
117. В СЕРДЦЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ТАЙНЫ
118. ДОН ВЗДОХНЕТ,
119. КУДА-ТО НАШИ ПЕСНИ ПОДЕВАЛИСЬ?
120. ИДУТ ДОЖДИ ХОЛОДНЫЕ И ЗЛЫЕ
121. СИБИРЬ ВСТРЕЧАЛА ЕРМАКА
122. ПУСТЫНЯ
123. КРУГОВОРОТ
124. ТОНКИМ ЛЬДОМ ЗАТЯНУТЫ ЛУЖИЦЫ СТР 105
125. УЗНАЛ Я, ЧТО ТАКОЕ ХРАБРОСТЬ,
126. НИ МАТЬ, НИ БРАТ И НИ ЖЕНА
127. УБИЙСТВО
128. ВНОВЬ НИКЕМ НЕ ВИДАННОЕ УТРО
129. РЫБАКИ
130. ТРАГЕДИЯ
131. ЧЕЛОВЕК
132. ХОХОЧУ Я, ХОХОЧУ Я, ХОХОЧУ!..
133. ГОЛОС ИМЫ СУММАК
134. ВЕЧНОСТЬ
135. ЖАДНОСТЬ
136. БАРДУ
137. НУ, ЧТО ЗА РУССКАЯ ДУША?!...
138. РЫБАЦКОЕ
139. ЗА КЕМ-ТО ЖИЗНЬ
140. ЛОЖЬ
141. НИРВАНА
142. МОЛЧАНЬЕ
143. ИСТИНА
144. НА РАСПУТЬЕ
145. ПРИЗНАНЬЕ
146. ВСТРЕЧА
147. НАВЕРНО НЕ В ЭТОМ ГОРДОСТЬ,
148. Я СВОЕ БЫ СЧАСТЬЕ
149. ПРЕСС
150. РАССКАЖИ МНЕ, ГДЕ ТЫ ХОДИШЬ,
151. ВЫЙДУ, ВЫЙДУ Я НАВСТРЕЧУ
152. ДВУЛИЧИЕ, – КОГДА ТЫ БЕЗ ЛИЦА (ЧЕТВЕРОСТИШИЯ)
153. АНДРЕЮ ВОЗНЕСЕНСКОМУ
154. ТВИСТ
155. ЗЕМЛЯ СКУДЕЕТ С КАЖДЫМ ДНЕМ.
156. РУСЬ – ТРОЙКА

157. ТРОСТИНОЧКА
158. ТЫ МНЕ ТАКЖЕ НУЖНА, КАК ПЕТЛЯ,
159. НЕМАЛЫЙ СРОК ПРОШЕЛ. НЕМАЛЫЙ СРОК.
160. ПОКОЙ
161. ПОЭЗИЯ КОМУ В НАШ ВЕК ПОЭЗИЯ НУЖНА?
162. ВДАЛЬ ТИХИЙ КРАЙ, ЗАДУМЧИВЫЕ ИВЫ
163. ЛЕС НАПОЛНЕН ВЕШНИМ ЗВОНОМ.
164. ЗАЙДУ В ОСЕННИЙ ЛЕС,
165. МЯГКИЙ СНЕГ КРУЖИТ, ПУШИСТЫЙ,
166. В ДЫМ КОСТРА РЫБАЧЬЕГО
167. РАЗЛИВ
168. ПУСКАЙ ЖЕСТОК К ПОЭТУ ЭТОТ МИР,
169. ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ
170. В ЛЕСУ «РОССИЯ – СФИНКС
171. ПЕРЕД ГРОЗОЙ
172. НА СУДЬБУ НЕ СЕТУЙ, МАМА:
173. ХОРОВОД
174. ЗАБРОШЕННОСТЬ
175. ГОНЩИК
176. ЧЕЛОВЕКУ
177. БРЕЙК
178. ОСИНЫ
179. КОСАЧИ, АХ, КОСАЧИ,
180. НА СУДЬБУ НЕ СЕТУЙ, МАМА

ПАМЯТЬ

Брату

1

Там, где когда-то
Брат пошёл на брата,
Средь вдовьих слёз и войн, и нищеты
Осталась скособоленная хата
Под сводом ласковой задумчивой ветлы,
В которой появился ты,
Чтобы уйти куда-то без возврата.
А может быть, тебе и повезло,
И твой уход уж не такое зло,
И если б смерть давно меня взяла,
То в этом бы не больше было зла.

2

Прошли года,
Прошли, как никогда.
Что говорить?
Чем не была беда?
И даже радость ранних детских дней
Теперь за далью лет лишь мне видней.
Я помню деревянный самолёт,
Который в хате делал разворот
И уносил нас...Как нас уносил!
Не в ниточный, взаправдашний полёт...
Я помню, потому что нет уж сил
Лететь, опять куда-то вдаль лететь.
И вдруг такое - эта гибель, смерть.

3.

Опять тянусь я к лесу, тишине.
И вдруг природа станет чуждой мне,
Как будто нервы напряжия лес
Ломается под тяжестью небес.
Там реактивные взрываются, рычат!
А птицы затихают и молчат,
И вижу я в глуби прозрачных вод
Испуганных рыбёшек хоровод.
И мечется встревожено душа,
И я спешу, и вслед за мной спешат
Деревья, придорожные кусты,
Их давит рёв с пустынной высоты.
И только где-то здесь среди листвы

Как будто снова притаился ты.
За той ольхой, а, может, в тех кустах?
Я помню все заветные места,
Где прятались за дерево, за холм...
Здесь был наш дом,
Теперь не наш здесь дом.
Ни твой, ни мой,
Быть может, и ничей,
Ни даже тех испуганных грачей.

4.

Кого бранить?
Суметь бы обранить
Живые зёрна слов на эту землю,
Чтоб проросла разумнейшая зелень,
Которую не надо бронить.
А если не дано ей прорасти,
Вина не наша, в том вина не наша,
Тогда такой сохою мир запашут,
Что каменным словам на нём цвести.
Но, может, снова с чьих ног босых
Росою смоем грязь и пыль дороги
И снова понесут кого-то ноги
В просторы оживающей весны...
Пускай бежит!
Какая к чёрту зависть?!
Ведь жили мы, и то нам повезло,
Что добрую в себе хранили завязь,
И не всегда платили злом за зло.

***

ВОЙНА (Надя) (поэма)

Посвящается Виктору Астафьеву

Нет у войны конца, как не печально.
Есть те, кто не бывает на войне.
Я матерей счастливых примечаю,
Как будто вновь родиться надо мне.
А мне совсем ведь этого не надо.
Казалось же и матери моей,
Что у неё тогда родилось чадо.
И как назло, родился я у ней.
И было время светлого затишья.
И кто сумел сказать бы наперёд,
Что может оказаться чей-то лишним
И не по-детски крепко сжатый рот.
И вот теперь, наверно, как в награду,
Люблю встречать повсюду малышей
И чувствовать - живёт на свете радость
В огромной человеческой душе.

Я был такой же, как и все, мальчишка.
И верил в колдунов и домовых.
Меня пугал соседний парень Мишка,
И честно, я тогда боялся их.
Впотьмах на чердаке мы домового
Искали с Мишкой,
Страшно с ним искать.
- Во-о-н огоньки!...- как трепыхнётся снова,
А подкрадёмся:
Так твою размать!
Не ночью, а каким-то ранним утром
На нас, наверно, рассердился бес.
И так всю хату потрянул он сдуру,
Что я от страха под кровать полез.
Меня учила бабка "Отче наш"
В сыром и полутёмном погребу.
По нас лупили немцы, били наши,
И мы молились за свою судьбу.
Но бог войны на нашем стал пороге.
К нему легко мальчишке привыкать.
И вместо "Отче наш" я понемногу
Стал причитать:
- Ах, так твою размать!
А Мишку не пришлось мне больше видеть,
От дома их остались кирпичи.
Гундел я :
- Ма-а, ну сходим к тёте Лиде.
А мать сердито глянет:
- Замолчи!
Трясли нас недолёты, перелёты,
А стихнет - так охота посмотреть:
Вот это танк! А вон в саду - пехота.
А это ...- что?!
И угадал я - смерть.
Боец лежал, легко раскинув руки,
Собрался и не может их поднять...
Что без него родятся дети, внуки,
Конечно, я не мог тогда понять.
Я слушал, как снаряд над мёртвым стонет.
На миг увидел дым и столб огня,
И в погреб полетел в тягучем звоне...
Война слегка погладила меня.
Пришёл в себя, а тело как из ваты,
И расхотелось даже зареветь.
Я взрослых окатил угрюмым взглядом,
Потом изрёк: "Уж лучше помереть."
Я повторил их присказку простую.
И в слёзы мать, и всхлипнула родня.

Но слёзы их лились уже впустую,
Они уже не трогали меня.
С тех пор и перестал я быть ребёнком.
И осушил глазёнки навсегда.
Хоть плакать приходилось, даже горько,
А слёз не видно.
Значит, не беда.
И ласки их отверг.
Одну лишь ласку
Я принял, не нахмуря даже глаз,
Когда боец на голову мне каску
Надел и засмеялся:
- В самый раз!
Я на коленях у него немного
Побыл и сполз, и тихо рядом встал.
И только он мне мог казаться Богом!
И это он взошёл на пьедестал.

2

Была война из крови и железа,
А за войной приюты, детдома.
И если мальчик мальчика порезал,
То этому причин на свете тьма.
Пусть нам казалась малою причина.
И сам порезанный ходил героем -ух!
Не поделили ножик перочинный.
По "фене ботали" и матерились вслух.
Мне было лет двенадцать, чуть поболее,
Когда смотреть поехал города.
Втроём уплыли в лодке.
Ну и что же?
Что матерям казалось?
Не беда.
По берегу, небось, метались, звали.
А Дон спокойно лодку с нами нёс.
Сухими провожали мы глазами
За поворот последний в детстве плёс.
А комары над лодкою кипели.
Надолго я запомнил с той поры,
Что мы терпели, но едва терпели!
И как нас не сожрали комары?
На берегу нашли без дырки каску
И прямо в лодке окор развели.
Сожгли мои штаны, но на отмазку
Мне в барахле суконные нашли.
Они хоть оказались большеваты,
Зато не тряпка - чистое сукно.
И я себя в них по подмышки спрятал,
А сердце вот не спрятал заодно.

И плавно уносило нас течение
В далёкий и неведомый простор.
И было же такое увлечение
Профессией с названьем кратким "вор"
Потом мы у старушки ночевали.
Она нас накормила - беглецов.
Мы ели, о себе безбожно ввали,
И я глядеть стыдился ей в лицо.
Я от своих отбился на вокзале,
Залез в дрова, в какой-то товарняк.
Куда идёт он, мне ведь не сказали,
Я ехал ни куда, а просто так.
В дороге задремал под стук колёсный,
Проснусь - стучит. Ну, значит, не беда.
В кармане спички, даже папиросы,
Лежу, курю и еду в никуда.
Мне посмотреть хотелось города.
Кошмаром было то, что я увидел -
Свой самый первый город Сталинград.
Ах, волгоградцы не были б в обиде,
Ему не очень был тогда я рад.
Лишь груды кирпича да стен обломки.
И дом там был, а может даже два,
А я сидел над Волгою в щебёнке
И удивлялся: Волга - это да!
Уже я знал, что здесь, на этих камнях
Решалась так же и моя судьба...
"О! Сталинград капут!" -
Как взрыв над нами.
От стенки оторвать не мог я лба.
И не хотел надменности их видеть,
И не хотел победы признавать.
Хоть в стенку лбом упёртым их обидеть!
Боялась мать.
- Ну, что? - шептала мать.
Я никогда не видел Сталинграда.
Но понял я всем детским существом,
Что Сталинград... Вот так!
Так вам и надо!
Жив Сталинград и, значит, мы живём.
Мы молча жили этою надеждой.
Они твердили : "Сталинград капут".
Когда же их погнали степью снежной,
Я тихо повторял им вслед: "Зер гут" ...
И вот брожу один по Сталинграду.
В чужих штанах, почти что как Гаврош.
И, кстати, побывал на Баррикадах,
На Тракторном, в Бекетовке...

Но дрожь...Но лихорадка подлая валяла
К обеду в камни где-нибудь меня.
Трясёт, трясёт, но этого ей мало.
И под конец сгорал я от огня.
Я с ней сражался стойко и жестоко,
И к вечеру держался на ногах.
Ведь мы откуда? Мы же ведь с востока.
"Вперёд на запад! - надпись - "На врага!"
Закончилось моё сражение грустно.
Дня три не ел, в подвалах где-то спал.
И стрелочница, помню, тётя Дуся
Втащила в будку, а нетоб пропал.
Ах, сколько этих стрелочниц на свете
Встречать мне после в жизни довелось!
Но если б эту тётю Дусю встретил,
То, кажется, не обойтись без слёз...
Большая, очень грубые ладони.
И голос тоже. Прямо, как мужик.
И в погреб я летел в тягучем звоне,
И сквозь туман её я слышал крик.
Она меня трясла, звала, кричала,
И к ней я приходил издалека.
Она меня отхаживала чаем
И кружкой откидного молока.
И многие навеки б замолчали,
Когда б не чай, да со ржаным куском...
За тетей Дусь я в жизни отвечаю,
Хоть за себя ответить нелегко.

3

А двое -те- давно рецидивисты.
При встречах выпивали мы не раз.
Тянули "сроки", время мчалось быстро,
Всё глубже, глубже впадины у глаз.
У них настолько лица огрубели,
Что даже с виду взгляд отяжелел.
Нужда у их стояла колыбели,
Был коркой хлеба долго их удел.
Приходят и опять ТУДА уходят,
Как будто их зовёт сама тюрьма.
Война ломает многое в природе
Да так, что не поймёшь, где свет, где тьма.
Я знаю, что здоровых миллионы
И лечат где-то тяжело больных,
Но мне за них бывает очень больно,
Они во мне, и сам-то я от них.
Ведь детская душа ожесточилась
И жалость отвергалась, как позор.
О чём мечтали?! Ах, о чём мечтали -

Профессия с названием кратким - вор.

4

Мы рано повзрослели, но ребёнком
Остался я, наверно, навсегда.
Ещё теперь сопливая девчонка
Меня краснеть заставит...
В чём беда?
Таили мы невысказанной ласку,
Таили мы невыплаканной боль,
В любовь - в кино - мы верили, как в сказку.
Девчонке на скамейке рядом - ноль.
Её толкнёшь и спросишь:
- Жрать охота?
Айда после сеанса по садам?
И девушка легко и беззаботно
Пойдёт, не ведая девичьего стыда.
- Да где же Надька?
- Надьку потеряли.
А Надька на плетне висит подлом.
И мы над ней от смеха умирали,
Снять не смогли,
Пошёл плетень на слом.
Она такая, эта плащ-палатка,
Зацепишься - попробуй, удери.
Девчонки наши были как солдатки.
А мы у них?
А мы - "богатыри".
"Богатыри" входили только в силу,
Стесняться стали, вздумали гулять.
И Надя стала самой красивой.
При ней не смели матерно сказать...
Из-за неё мы просто умирали,
И чувствовали - кончена игра.
А в ней наивных много было правил.
Мы предложили Наде:
- Выбирай. - Стыда! Стыда-то!
Но какая Надя,
Какая это девушка была!
Ах, сколько было горечи во взгляде,
Как тихо нас она им обвела...
И вдруг- соседям всем на удивленье-
Надел я кепку козырьком вперёд.
Как "здравствуйте" скажу я тётке Лене,
Так тётя Лена схода обомрёт.
Я даже начал получать пятёрки,
Да по немецкому, а думали б по чём?
Исчезли из-под глаз кровоподтёки,
Лишь сердце колотилось горячо.

Узнал я по немецкому "Ихь либе!"
Немецкий ненавидя неспроста,
На этом языке я слышал гибель,
Лай автоматов, щёлканье хлыста.
И при чужих гортанных этих звуках
Сжимался машинально я в комок.
Я получил такую там науку,
Что запретил немецкий, если б мог.
И "немка" наша вдруг заулыбалась,
Когда я между прочим, просто так,
Поговорил с ней по немецки малость,
Зажавши кепку в руку: "Гутен таг!"
Любовь - она свершить любое может.
Я понял тех, кто жертвовал собой,
С кого враги с живых сдирали кожу
За Русь, за взгляд печально голубой...
Была война из крови и железа,
И залежалых жёлтых желудей.
От них порой желудок болью резал,
То резал он почти у всех людей.
И все же выживали.
Есть отвары каких-то трав...
А Надя умерла. Ну вот и всё.
Игра была без правил.
Игра несправедливая была.

5

Нет у войны конца, как не печально.
Есть те, что не бывают на войне.
Завидую, кто сладко спит ночами,
Завидует, быть может, кто-то мне.
Кому - то нехватило в жизни ласки,
Но я всегда припомню в трудный час,
Когда боец на голову мне каску
Надел и засмеялся:
- В самый раз!

1972г.

22 сентября 1972 г.

Дорогой Витя! (я имя не перепутал?)

Мне очень приятно посвящение, а ещё приятнее, что оно поставлено не над пустяком. Поэмка, а также начало какой-то большой стихотворной вещи склочено крепко, стих ладен и складен, местами от драматизма и накала повествования даже спину холодит. Думается мне, что надо эту вещь работать шире, глубже и дальше, делать что-то вроде повести в стихах, где бы правда о тех, кого война сделала бродягами и преступниками, была не только констатирована, но и со всей страстной и горькой правдой изображена. У нас очень не любят, да и не умеют взглянуть на обратную сторону военной медали, потому что с обратной стороны от грязи и пота

заходились ржавчина, гниды и прочие некрасивые вещи. То, что блестит и светится, всегда легче и спокойнее изображать, да и печатается это охотней, а вот чем страшна война, то у нас как-то стыдливо замалчивается. «Чайки» - это какая-то интеллигентская штучка, такого у нас много пишется и печатается, они на меня особого впечатления не произвели, а над войной работайте, наберитесь сил и мужества и коли я Вам какой-то пример, то возьмите из этого примера главное — я сейчас совершенно болен, контуженная голова кружится, сердце отказывает, желудок барахлит, а я работаю и работаю, потому что знаю, как коротка жизнь и перед тем, как поехать отдохнуть и полечиться вот и на письма на все отвечаю.

Ну — это не в укор, а в назидание. Рассказ «Девятый вал» как добьёте, обязательно пошлите в «Современник» на имя Марченко с припиской, что я его читал и одобряю. Будьте здоровы, дорогой.

Извините за почерк, совсем он у меня разгулялся от болезни, а и без того был небезупречен.

Ваш В.Астафьев

***

ВЧЕРА И ЗАВТРА (поэма)

"Писатель должен быть неподкупен и честен, как служитель бога. Либо он честен, либо нет. Так же, как женщина либо целомудренна, либо нет, и после того, как он однажды написал неправду, он никогда уже не будет прежним".

Эрнест Хемингуэй.

1.

...А когда подводится черта,
Разобраться в жизни невозможно.
Сложно всё
И вовсе всё не сложно,
И опять не знаешь ни черта,
Ложно что?
А что совсем не ложно?
Не гляди ты на меня тревожно,
Я не тот
И ты совсем не та.

А когда сжигают корабли,
Никуда, похоже, не уедешь.
Всё равно какой-то далью бредишь,
Что-то видишь там, в своей дали.
Я - богач,
И так порою беден,
Что себя меняю на рубли.

А когда беда уж не беда,
И твой путь отстучали колеса,
И слетели яростно с откоса

многие и многие года.
Не беда, вся жизнь была вопросом,
Были и ответы иногда.

Отрицай!
Что хочешь отрицай!
Ничего не надо брать на веру.
Мудреца сжигали лицемеры,
Славой окружали подлеца.
Верят, как и верили в химеры.
Не постигнуть жизни до конца.

Выходи!
Я жду тебя давно.
Выходи, выкладывая душу.
Из пучин мирских взойди на сушу,
Ты узнал ли, что такое дно?
И ничем-то совесть не заглушишь,
Если стать подонком не дано.

Не забытья в песнях и вине,
Не уйти в рассветы и закаты.
Оттого, что есть на солнце пятна,
Кто-то умирает в тишине.
То, что непонятно,
Непонятно,
Грязь никак не высохнет на дне.

Вечер.
Ночь.
Опять встает рассвет.
Кто-то плачет,
Кто-то напевает.
Хорошо всем сразу не бывает,
Даже плохо не бывает, нет.
Там рождаются.
Тут же убивают.
Если жизнь?
То что же значит бред?

2

Не гадай, цыганка, а скажи,
Я еще верчу свою шарманку,
Ты скажи, прожить ли жизнь без лжи?
Не бреши хоть раз вовек, цыганка.
Что там руку, сердце на, держи.

У цыганки вещие глаза,
Плутовато смотрят прямо в душу.

Нечего цыганке мне сказать,
Если сердце вынул я наружу.
"По закону, так гадать нельзя.
Так ты никому не будешь нужен."
Ты дала единственный ответ
И другой, цыганка, мне не надо.
Значит с обнаженной в сердце правдой
Никому не будешь нужен, нет!
Вот она, судьбы моей награда,
Все мои надежды, вся отрада,
Всё - в чем зла скрывается секрет.

Это ложь, что было много жен.
Женщин-то и то немного было.
Та, эх, та, что так меня сгубила,
Так вот не зарезать и ножом.
Я её, она других любила,
И тоскою злой я был сожжен.

3

Девушка, и мне не всё равно,
Что твои глаза сейчас сказали.
Только я давно, как на вокзале,
И любил давно-то я, давно.
И хочу любить, кого, не знаю.
Полюбить тебя бы может, но...
Не разжечь уже такую страсть,
Чтоб пойти с тобой туда, куда-то...
Ты ведь знаешь, есть на солнце пятна,
Если упадешь, то прямо в грязь,
До чего ж планета неопрятна,
Если больше некуда упасть.

До чего ж загажена земля!
Чистить её, рук не покладая,
Ведь она давно не молодая
И грязней любого корабля,
Что годами в море пропадает
Без ветрил, без мачт и без руля.

Только вот сначала, в этом боль,
Души наши вычистить бы надо.
Есть уже места почище ада,
Где разврат, разбой и алкоголь
Обретают истинным порядком,
Где сожрать живьем друг друга рады,
Вот какая чертова юдоль.
В мире моря тоже есть закон,
Там акула первой нападает.

Ну а ты такая молодая,
Так невинен головы наклон.
Тот, кто любит, тот всегда страдает,
Мне ж пора забыться среди волн.

Что же ты? Постой! Не уходи!
Я ведь до конца еще не верю,
Может приоткроем тайно двери?
Ты одна и я совсем один...
Нет, я сам с собой не лицемерю,
Сам не знаю, что в моей груди.

Может что осталось, что-то есть,
Что со страстью вырвется наружу?
Никакой обет я не нарушу,
Если запоётся снова песнь,
Та, что омолаживает душу,
Хорошо и в осень бы зацвести.
Хорошо изведать эту страсть,
Чтоб пойти с тобой туда, куда-то.
Только знаю, есть на солнце пятна,
Если упадем, то прямо в грязь.
И хоть это очень неприятно,
Всё равно приходится упасть.

Вот ушла...
И я опять один.
И покоя нет, в душе тревога.
"Выхожу один я на дорогу",
Снова путь кремнистый впереди.
Только нет ни дьявола, ни бога,
И иди, иди, иди, иди...

4

Но куда, куда же мне идти?!
Оскудела радостью природа.
Тихий Дон пустые катит воды.
Только с ним мне -было по пути,
Радости мои, мои невзгоды
И еще непрожитые годы,
Всё-то, всё ему я посвятил.
По воде мигают огоньки,
Бакенов томительные знаки.
И с моей души смывает накипь,
Так тепло и славно у реки,
Где-то слышен дальний лай собаки,
Жаль, что эти ночи коротки.

И ко мне сюда ты не придешь,

Оттого томительно и грустно
Разлилось по телу это чувство,
Что бросало в жар меня и дрожь.
Вот любви - великое искусство!
Без него, я знаю, пропадешь.
Оттого и звезды так близки,
Оттого и месяц, словно, пьяный,
Заблудился в облаке туманом,
По воде двоятся огоньки.
Был бы я хорошим капитаном,
Обошел бы в жизни меляки.

В зареве холодных, тихих струй,
Над рекою, слившись с тишиною,
Ты сидишь, невидный со мною.
Говоришь мне, - "Ладно, не горюй.
Всё смывает времени волною,
Завтра встретишь новую зарю.
Ты теперь от воздуха хмелей,
От реки, что все-таки струиться.
Да и как тут сердцу не напиться,
Пей и лей, и снова пей и лей,
Хоть на миг, а можно позабыться,"
Что же, Дон, давай, еще налей.

Ведь в груди я все же уберег
Те с тобою тайные свиданья,
И тепла, и солнца ожиданье,
И покой глухих лесных дорог,
Берегов обрушенных страданье.
Ты и я прожить не так бы мог.

Уходил я в камни и метал,
И сжимало грудь мне словно прессом.
Люди называют это стрессом.
Оттого-то, может, я упал,
Надломил мне плечи тяжким весом
Жизни непонятной капитал.
Был и я утопленный в речах,
Глубину постиг их и значенье.
Ни к чему теперь нравоученья.
Жизнь - она вериги на плечах,
И в твоём я чувствую теченье,
Обмелел и ты, и ты зачах.
Отрицай, что хочешь отрицай, .
Ничего не надо брать на веру.
Есть у жизни жесткие примеры,
Где под маской нет уже лица,

Где обман, там ложь не знает меры.
Не постигнуть жизни до конца.

5

Люди, люди, лебеди летят!
Лебеди устало тянут с юга.
Лебеди кружат над тихим лугом,
Отдохнуть там лебеди хотят.
С полувзмаха поняли друг друга,
Никогда их бить не запретят.

Лебеди пугаются людей.
Облетают дальше, стороною.
Им бы отдохнуть в лугу весною.
Браконьер стреляет в лебедей,
И потом, сливаясь с тишиною,
Мир в тревоге смутной - быть беде.

В чистом небе вдруг грохочет гром!
Реактивный хвост белесый тянет.
Ни в какую даль-то он не манит.
Тайный у него аэродром.
Черный гриб на девственной поляне
С недр земных вздымается бугром.

Звери, птицы, знали б только вы
Про удел, какой земле готовим.
И никто как будто не виновен,
Что не станет листьев и травы,
Всё в одном таиться может слове,
Из одной безумной головы.
Наша жизнь не нам принадлежит.
И расстаться каждый с ней сумеет.
Через все утраты и сомненья
Я обязан эту жизнь прожить,
Даже зла исправить, не умея,
Я обязан жизнь прожить без лжи.
А когда подводится черта,
Разобраться в жизни невозможно.
Сложно всё,
И вовсе всё не сложно.
И страстей людских не сосчитать,
Ложно что?
А что совсем не ложно?
Не гляди ты на меня тревожно.
Нет ответа.
Нету ни черта!
1978 - 1980 г.

БАБИЙ ВЕК (Поэма)

Бабий век.
Какой он маленький!
А в России
Неутешно бабы-бабоньки
Голосили:
Ах, Савося мой, Савосенька,
Что же это?..
А война прошла, как просека.
Многих нету.
Лишь остались фотографии
Пожелтевшие
Да Елены, да Агафьи
Неутешные.
...Не смиряется Елена
С долей горькою,
День встречает на коленях
Ясной зорькою.
Сны, гаданья, предсказанья
Не сбываются.
Боже, что ж за наказанье,
В чем раскаяться?!
2
Плачь, молись, а жить-то надо,
Жизнь выгадывать.
Дышит мать-свекровь на ладан,
Больно взглядывать.
В холода-то, да в крещенские —
За дровишками.
Сердце рвут ручонки детские —
Жаль мальчишку!
Ах, помощник мой, помощничек,
Сиротинка.
Он качается под ношею,
Как былинка.
— Мамка, снег лежит на ветках
Прямо шапками!..
— Ах ты милая ты детка.
Ах ты жалкая!..
...Хороша деревня вечером.

Сад заснеженный.
Красота-то эта вечная,
Вечно свежая.
К ней глядишь —
Не приглядишься.
Жить не в силах,
А живешь,
В слезах — гордишься...
Эх, Россия!
Как вели-то немцев пленных,
Стало муторно,
Словно грязь текла в колено
Вдоль по хутору.
З
Слышно, где-то сторона-то
Разбогатая.
Стороной прошла война-то
Там проклятая.
А к весне-то нет ни семени,
Ни картошечки.
И теперь одно спасение —
Платья, дощечки,
Что подарено, что справлено,
Да не ношено.
Что в земле при немцах стравлено.
Что и брошено.
Поле-полюшко бескрайнее,
Поле снежное,
Зацветает зорька ранняя.
Зорька свежая.
Эх! Родимая сторонка
Душу радует!
Тянет санки лошаденка
И не падает.
И везет та лошаденка
«Края дальние»
И мешочки, и котомки
Подаяния.
Хороши те хутора,
Да в разоре,
Да везде одна пора —
То же горе...

4

Бабий век.

Глаза туманятся.

Почернела,

А ночами в окна пьяницы —

Вдовье тело...

Вдовье тело-то горячее

Аж до дрожи!

Бригадиру: Эх, собачий! —

Прямо в рожу.

Ну, гляди, еще поплачешься.

Девка, вволю!

Я и так, куда же спрячешься?

Мало ль боли...

5

Бабий век.

Какой он маленький!

Хоть бы столечко

Отдохнули, бабы-бабоньки, —

Козы, телочка,

Кабанишка, кошка, вишенка,

Огороды,

Да еще по стенам вышивки

Старомодные.

«Юбочка, юбчонка,

Черненькая, ситцевая!

Прямо как девчонка.

Только чернолицая.

Юбка новая, юбка черная —

Невелик поясок, а просторная.

Бригадир — один в бригаде

Розовый мужчина.

Ну, а я в таком наряде

Чем же не дивчина?..

Эх-ха! Живее, бабоньки.

Поскорей управимся!

Чай, и мы теперь ударники.

На район прославимся!..

Крыспондент, скажи, взаправду ли,

Что летят на небо?..

Лишь бы милые не падали,

Вдов, сирот бы не было...»

23

Зацвели сады обдонские
Буйным цветом,
Мысли, мысли-то бедовские
Бабым летом.
А они все больше пьяницы.
Эх! Калымщики.
Разве добрый будет маяться.
Срывать тыщи-то?..
«Есть у нас бабенка скромная,
Работящая.
И в любой работе скорая,
Не гулящая...»
Ах, Савося мой, Савосенька,
Что же это?..
А война прошла, как просека:
Многих нету.
Уж глаза от слез повысохли
Да поблекли.
Все одной-то жить, да с мыслями.
Целый век ли?..
«И хатенка у ней справная,
И хозяйство.
Да и так бабенка славная,
Без зазнайства...»
На язык-то бабы падкие,
Все б чесали.
До того им сплетни сладкие,
Хоть часами...
Все б чесали да шушукали:
«Он — не скажешь,
Смирный, плотник...
Девка, шутка ли —
Все одна же...»
...Приняла, какие доводы? —
Дело вдовье.
Ни она, ни он немолоды,
Чтоб с любовью.
Поначалу — все как водится,
По-хорошему.
А как выйдет за околицу,
Что-то тошно ей.

Сенокос — пора горячая,
Многолюдная.
От людей-то глаз не спрячешь.
Что-то трудно ей.
Тут еще бабье с подначками.
Все им шуточки-
То ль смеешься, то ли плачешь.
Вроде дурочки.
Сын понять все это может,
Сын уж взрослый.
Только что же это, что же —
Слезы в росы.
И не пьет, и уважительный,
И спокойный.
За таким лишь жить да жить бы.
Что ж такое?..
Думы, думы,
Обольется
Сердце кровью.
Сердце сердцем остается,
Сердцем вдовьим.
1961

МАГЕЛЛАНЫ ВСЕЛЕННОЙ

/ поэма /

Мы все немножко Магелланы,
Когда нам по пятнадцать лет,
Плывем в неведомые страны,
В глаза нам льет их тайный свет.

Корабль космических творений
Небес вздымает паруса,
Без замедлений,
Ускорений
Плывут поля,
Плывут леса,
А паруса свой цвет меняют
То в груды белых облаков,
То в блески звезд,
То в зори мая
То в мглу туманную веков...

Корабль свободный, величавый,

Он не меняет взятый курс,
Нет для него нигде причалов,
С него никто не снимет груз.
И он плывет, не проплывая
Все тех же звезд, луны, планет,
На нем рождаются, умирают,
На нем давно кого-то нет...

Мы в этот мир пришли однажды,
Чтоб дальше к вечности идти,
И жажда,
Вечной жизни жажда
Средь звезд нас манит впереди.

Мы все немножко Магелланы
На этом дивном корабле,
Плывем в неведомые страны –
Вселенной дети на земле.

2

И вот у озера, у плесов,
В душистом сене на стогу
Мы звездам задаем вопросы
В своем мальчишечьем кругу.
Дрожит сбивающийся шепот:
А там? А как же где-то там?..
И люди есть?
Конечно.
Что ты?!
Все ниже, ближе высота...
Вон Марс,
Какие-то каналы,
Зима и лето,
Полюса!..
Полны чудесного накала
Мальчишьи наши голоса.
По черной августовской ночи
Пролег туманный Млечный Путь,
А самый старший нам пророчит
Астрономическую суть:
Дракон...
Медведица...
Там Север,
А это Северный венец...
И сам волнуется со всеми,
Что нет конца...
А где ж конец?
И нет начала,
Безвременья,

И сколько мир хранит чудес!..
Пусть нет конца,
Но все ж деревья
Края обрезали небес.

И луг здесь
Наш здесь луг затерян,
А сколько вечности вокруг!..
Мы, засыпая, даже верим,
Что где-то там родимся вдруг.

3

Заря...
Роса на луг упала,
И холодны стволы ружья,
Стреляем мы, во что попало,
Стреляют все,
Стреляю я.
Друг другу видно только лица,
Воды прохлада в камышах,
Вон по над лесом утка мчится,
Все ближе...
Замерла душа...
И снова: «Бах!» –
И снова мимо.
А утка колом в вышину,
И тишина...
Ведь здесь одни мы,
Нам не разрушить тишину.
За всю зарю
В какой-то выстрел
Одна лишь утка сбита влет,
А как она летела быстро!..
Как высоко!..
Но кто поймет.
Бегом за ней
(Трава густая),
не то подранок убежит.
А утка крылья распластала,
Еще живая,
Вся дрожит...
И не азарт уже,
А жалость,
И не глядел бы в круглый глаз.
А утка вся в комочек сжалась,
Ведь понимает,
Что сейчас
Наступит смерть...
Никто не вечен,

И раны у живых болят.
Какой судьбой твой курс отмечен?
Не понимали мы,
Земля.

4

А мы недавно так столкнулись
В большую силу и размах,
Когда в людей впивались пули,
Когда был страх в людских глазах.

Донская степь плыла снегами,
Кроваво небосвод горел,
Детей и женщин – всех согнали
Они в то утро на расстрел.

«Расстрелян будет каждый третий!..»
И автомат глядит в упор.
Я, может быть, живу на свете
С душой, расстрелянной с тех пор.

Но «каждый третий» – было шуткой,
К стене поставили троих,
Такою тишиною жуткой
И нас окутало,
И их...
И автоматы вдруг рванули,
Осели двое тяжело,
А в третьего стучали пули,
Его трясло,
И нас трясло...
А он стоял!..
Быть может, мертвый,
Стоял, легенду породив,
Что он от бога, или черта
Хранит «бумагу» на груди.
Стоял, и сам того не зная,
Что страхом палачей связал.
И мир тяжелыми глазами
Глядел захватчикам в глаза.
Он тихо сполз,
Толпа вздохнула.
Фашист толкнул его ногой
И вдруг, в упор, приставив дуло,
Затрясся сам, открыв огонь.
Потом навскидку автоматом
Повел по замершим глазам...
Что в них увиделось солдату,
Что этот взгляд ему сказал?!

Но отвернулся он поспешно
И медленно вернулся в строй,
И кто-то вслед ему с насмешкой
Недобро выкинул:
Ге-рой...

5

Не зная, что война не вечна,
На «их» и «наших» мир деля,
Какой судьбой твой курс отмечен,
Не понимали мы, Земля.
Мы объясняли мамам: «Рама»,
Мы говорили мамам: «Тигр»,
Мы знали, сколько в пуле граммов,
Не зная, что такое мир.

А вот когда их черной лентой
По снегу гнали чуть живых,
Мы просто так вот, незаметно,
Зачем-то вдруг жалели их.
Рождались мира в нас зачатки,
В нас, еле помнящих отцов,
И кукурузные початки
Кидали мы войне в лицо.
И кто-то, сопли утирая,
Верхом усевшись на плетне,
Сказал:
Ей-бо! Не завираю,
Теперь, кажись, конец войне...

6

Теперь уму непостижимо
Тех дней зловещих голоса,
А мы живем!
Мы все же живы!
Все наше:
Дон, луга, леса!
И детство в нас,
И вот уж юность –
Пора неведомых начал,
Когда души слегка коснулась
Еще невнятная печаль.
И ищешь ты уединенья,
Грустишь, о чем не зная сам,
Ведь целый мир – твои владенья,
А в нем та русая коса...

* * *

Ах, косы, косы русые,
Они такие русские,
Смотрю на них и чувствую

Я в пальцах нежность грустную.
Смотрю на эти волосы
И вижу: тихой осенью
Камыш да ива с косами
Задумались над плесами.
Они такие тучные,
Они так туго скручены,
Они росли над тучами,
Они ветрами мучены.
Они на грудь до пояса
Легли, умывшись росами,
Твои, Россия, волосы
Несет девчонка с косами.

7

Мы незаметно повзрослели,
Ах! Эта русая коса
Завертит как на карусели,
Глаза в глаза,
Глаза в глаза!..
А в них и космоса глубины,
И тот же зов,
И та же страсть,
Уплыть в простор их голубиный
И в бесконечности пропасть.
И вдруг робеют Магелланы
В свои семнадцать с лишним лет.
И эти звезды странно, странно
В ее глаза роняют свет.
Земля плывет чуть-чуть качаясь,
Но не меняя взятый курс,
Она под звездами венчает
Влюбленных девственный союз.

Мы в этот мир пришли однажды,
Чтоб дальше к вечности идти,
И жажда,
Вечной жизни жажда
Средь звезд нас манит впереди.

8

Мы все немножко Магелланы
В семнадцать и за тридцать лет,
Плывем в неведомые страны
И морем бурь,
И морем бед,
Пусть жизнь и смерть –
Никто не вечен,
И раны у живых болят,
Но разве смертью лишь отмечен

Курс голубого корабля?

Нам плыть и плыть куда-то вместе,
А из космической дали
Сказал так просто мой ровесник,
Что нет прекраснее Земли.

РОДИМОЕ

...А у нас и куреня, и хаты,
И степя задумчиво-тихи.
Сколько слез и крови в них вобрато,
Сколько в них головушек лихих!

На дорогах умирают травы.
Гетман — шлях разбойничьей орды.
Слева — степь, синее
Дон направо.
От беды — полшага до воды.

А весной какие половодья!
Аж на цыпочки привстанут тополя!
Если отпускает Дон поводья,
То кругом внамёт летит земля.

Много там Григориев и Мишек,
Много там аксиньих жгучих глаз.
Говорят там: «Ветрели мы братишек»,
Если их встречают в добрый час.

А в степных курганах блекнут кости.
Ковыля колышется волна.
Приходили всякие к нам гости.
Пошумели? Будя. Тишина.

Песня жаворонка или солнца,
Да хлеба колосьями шуршат,
Широко в степи у нас поется,
Вольной волей полнится душа.

А кому без родины не трудно
От нее за тридевять земель
Говорю тебе, что я «оттель»
Все равно останусь я оттуда.

1965

КАЗАЧЕСТВО

А степь широкая, бескрайняя,
А степь с ковыльными курганами,
И под любым курганом
Земли обдонской раны.
Лежат там красные и белые,
Лежат, что много бед наделали.
Лежат уж не опасные
И белые, и красные...
А было, было времечко,
Нога ступала в стремечко,
Сшибались лавы страшные,
Враги — друзья вчерашние.
Рубились разъяренные
За старое и новое
Отцы с сынами родными.
Дрожала степь холодная.
Секли друг другу головы,
А сечь умели здорово!
Сходились братья с братьями
В смертельные объятия.
И под любым курганом
Земли обдонской раны...
1973

ДАР

Не знал я сам тогда, какую участь
Моя судьба мне в дар преподнесла,
Когда входил в весенний мир созвучий
Под гомон птиц и легкий всплеск весла.
Не знал я сам, меня же не спросили.
Согласен ли принять я этот дар:
Наш домик, клен и Дон, и всю Россию
Не на день, не на годы — навсегда.
А память начинается с обоза,
Войной на снег повалена береза,
В ветвях таятся вешние ветра
И греют людям лица у костра.
А месяц затухает средь развалин.
В проем окна обугленной стены
Видал он желтым глазом сатаны,
Как по России люди вымерзали.
И жуткой, и пустынной, и большой
Донская степь сугробами дрожала.
И это все была моя держава.

Была моею русскою душой.
Я видел немцев добрых и простых,
Терпел их ласки страхом одичалым,
Но на коленях ты меня качала
И прятала в чуланы и кусты.
И разлучить нельзя им было нас
Ни лаской, ни улыбкой, ни конфетой,
Они так ясно чувствовали это
По чистоте не детски хмурых глаз.
Любви к тебе никто мне не внушал.
И, ту любовь из двух не выбирая,
Я всю тебя, Россия, принимаю,
Тобою жить мне и тобой дышать.
1964

МАТЕРИ

Идешь и чувствуешь дыхание земли
И больше не торопишь годы.
Зарей вечернею облит родной залив,
И мудро в глубине темнеют воды.
Вот так в душе сверкала чисто гладь
И отражала звезды, небо, солнце.
А в глубине стояла тихо мать.
Глядела вслед из темного оконца.
Куда идешь ты?
Где найдешь судьбу?
В каком краю загинешь иль воскреснешь
Она стояла, прикусив губу,
В своем молчании сильнее всякой песни.

ОТЦУ

Не первый лист слетает на дорогу.
Но этот поднял ты и тихо бросил.
И словно ты рукой потрогал осень.
Потрогал осень — и рукою дрогнул.
Не первый лист слетает на дорогу.
Не первый лист.
И ты давно не молод.
Но с этим ты почувствовал вдруг холод.
И смотришь вдаль задумчиво и строго.
Не первый лист слетает на дорогу.
Их щедрою рукой бездумно осень стелет.
Но нет, твои глаза не опустели —
Еще прочесть в них можно много-много.
1959

* * *

Вырос я на улице у Дона,

Лодки по ней плавали весной.
Волны бились о порожки дома
И качали зори с тишиной.
И за лесом где-то пропадали,
Детские мечты неслись им вслед.
И в глазах неведомые дали
В голубой окрашивались цвет.

МИННОЕ ПОЛЕ

Пройду сквозь мир.
Утру слезу от ветра.
В последний раз на землю оглянусь:
На степь, реку, на много километров
Просторно распахнувшуюся
Русь.
Постой...
Не ты ли там тропинкой тонкой
Идешь, сшибая капли светлых рос,
А рядом босоногая девчонка
На солнечный легко ступает плес.
А горизонт еще в дыму багровом,
На землю гарь садится, тяжела.
Траву хватает тощая корова,
И ожил луг.
Станица ожила.
И ты идешь по тропке без опаски.
А под ногами детскими вокруг —
Воронки и осколки, мины, каски.
И кое-где еще дымится луг...
Ты ничего не понял после взрыва
И приподнялся шатко на ногах.
И небо, в синь израненное, взвыло,
Повиснув у коровы на рогах.
Ты сделал шаг и повалился снова.
Иди, иди — теперь не упадешь.
Тебе нелегкий в жизни уготован
Твой долгий путь через добро и ложь.
И ты пошел, хоть было очень больно.
Девчонка от тебя метнулась прочь...
И долго-долго будет минным полем
Тебе весь мир казаться день и ночь.
1963

ДРУГУ ДЕТСТВА

У нас ведь не было отцов.
Мы лишь на карточках видали

Такое близкое лицо.
Такие гордые медали.
Мы, улиц верные сыны.
Росли по пустырям Европы,
Где ниву щедрую войны
Воронки взрыли и окопы.
Там было столько всяких мин.
Гранат, снарядов, даже пушек.
От счастья замирали мы
При виде дармовых игрушек.
Теперь не вспомню я лицо
В клочки разорванного друга.
У нас ведь не было отцов,
А матерям бывало туго.
А мой отец с другою жил.
Но я, друзьям не изменивши,
И безо всякой горькой лжи
Считал, как все, отца погибшим.
1965

Люди, люди — лебеди без крыльев.

И летать не каждому дано,
А меня охотники давно
На заре на утренней подбили.
И, роняя кровь, летел я ввысь,
Чтоб еще полетом насладиться.
Все равно душа осталась птицей,
Только больше крылья не срослись.
И когда алеет горизонт,
Я зари той самой отклик слышу.
Если б мне лететь тогда повыше!
Но в судьбе не каждому везет.
Трудно с переломанным крылом,
Хочется туда, в простор небесный.
На земле для всех хватает места.
Что ж мы рвемся к солнцу напролом
Люди, люди — лебеди без крыльев.
И летать не каждому дано,
А меня охотники давно
На заре на утренней подбили.
1968

Мой древний край дождей и выюг,

Когда меня и не было на свете,
Ты так же заколдованный свой круг
Зимою обходил с тоской о лете.
Мой древний край, а где и кем я был.
Ведь был же я до этого рожденья.

О, как далек исток моей судьбы
В бескрайности своих преобразений!
Мне видится российская зима,
Веселые крещенские морозы,
Теперь на белый свет глядят дома,
Роняя с окон пасмурные слезы.
И дальний лес, и белые поля
На суету дивятся городскую.
И издревле плодящая земля
О первых теплых днях весны тоскует.
1965

МОЙ ХРАМ

Хохочут совы там
И жалуются волки
На волчье безнадежное житье,
Там неба синего холодное литье,
Отлитое в озерные осколки.
Чрезмерность солнца там,
И леса безмятежность,
И тишина невысказанных дум,
Там мудро отдыхает ясный ум
И душу снова наполняет свежесть.
Бегу туда...
Один среди редких птиц
И осторожно падающих листьев.
Бегу, язычник, идолам молиться
И падаю пред ними в травы ниц.
Мой храм просторен,
Боги величавы.
И слышат обнаженные слова
Осенняя пожухлая трава
И мать-Земля —
Судьбы моей начало.
Туман племен, народностей, наречий
Колышется в сознании моем.
Мы все из тех глубоких недр встаем,
Приобретая облик человеческий.
Я стал кто есть...
Прими мои грехи,
Врожденные и прочие пороки,
И ропот мой отчаяний глухих
Пусть судят молчаливые пророки.
Когда бы не был сердцем так застенчив,
То многих бы грехов не совершил,
Благослови большую часть души,
Благослови и ту, что искалечу.
Я никогда обета не нарушу

Твоей всеочищающей зари.
Как в пекле, вся душа моя горит,
Благослови загубленную душу.
Мой храм просторен,
Вечен, необъятен,
Раскинулся на целый шар земной...
И слышу я,
Как много наших братьев
Беседуют с осенней тишиной.
Прошла заря,
Упала в омут стылый,
Вечерний сумрак тело холодит.
Прошу, Земля,
Дай мне любви и силы
И всем, кто припадет к твоей груди.

ВЕЩУНЬЯ

Весенние спадают воды.
Леса уснули в душном сне.
Мои непрожитые годы
Считает в хмарь кукушка мне.
И облака грядою кучной
Плывут куда-то в никуда.
Над кромкой леса круче, круче
Они вздымаются, и тучи
Клубится черная гряда
И лавой бешеной несется,
И дождь спустился проливной
И час... И два... И снова солнце
В листве, в траве, искрясь, смеется,
Смеется солнце надо мной!..
И ожил лес, В нем все ликует,
И свежесть льется в грудь мою,
Кукушка мне опять кукует,
Опять о бренности толкует,
А я в ответ — пою.

1964

КОВЫЛЬ

Ковыль, ковыль — былинная трава.
Омыл меня ты пенными волнами,
А подо мною Дона синева,
А по степи курганы с валунами.
Давно ли, за какие-то года,
Казалось это все надежно-вечным.
И вот уже не та в Дону вода,
И все меняется пред взором человечьим.
Лишь валуны, лишь эти валуны

Так тяжелы и каменно-безгласны.
Ледник их приволок с далекой стороны,
И им теперь все в мире безопасно.
И так ли уж могуч ты, Человек,
И подобрел ли ты к себе и людям,
Когда в двадцатый ядерный наш век
Грозишь, что человечества не будет.
Ковыль, ковыль — былинная трава.
Омыл меня ты пенными волнами.
И вечна эта Дона синева,
И по степи курганы с валунами.

ПРОСТОР

То жаворонка трель,
То хриплый крик грачей,
То коршуна круги в бездонной сини...
Такой простор, что я — никто, ничей —
Вдыхаю горьковатый дух полыни.
В кругу земли, И неба, и воды
Я — малая частичка мирозданья.
Исчезли многих, многих здесь следы,
Забыты их молитвы и преданья.
Родная степь, На миг родная мне.
Мелькнет мой миг, другим родной ты будешь.
Здесь кто-то на лихом скакал коне,
Здесь в бранных схватках погибали люди.
Они ведь погибали за тебя,
Ты им была как красная невеста,
И если тесно было жить любя.
То всем в тебе с лихвой хватило места.
Такой простор!..
Что я — никто, ничей —
И лишь с тобой, Земля, навеки связан.
То жаворонка трель,
То хриплый крик грачей,
Такой простор, что не окинуть глазом

СТЕПЬ

Все та же степь...
Все та же даль во мгле,
Все тот же горизонт, тягучий и унылый...
Там где-то рай, быть может, на земле.
Но эту землю ты считаешь милой.
Все та же даль ...
Все та же боль в груди.
Все так же манят вдаль тебя просторы,
И сколько раз туда ты уходил,
И сколько раз был словно обворован.

Все та же боль...
Все та же тишина
Усталая под низким серым небом,
Но в ней тебе родная песнь слышна,
И никогда нигде ты словно не был.
Мелькнуло что-то... Вспомнилось на миг,
И вновь глядишь, глядишь на бездорожье.
И, может, в этом что-то не постиг,
А может, и постигнуть невозможно.

МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА

Не в моря впадают реки,
А в сердца людские.
У меня своя навеки
Речка есть в России.
Не река, а так — речонка.
Что-то вечно снится ей.
Улыбнется, как девчонка
С робкими ресницами.
Тихим плесом задымит,
А до дна прозрачная,
Сонной лаской задарит.
Словно новобрачная.
То вся в лесу, то на лугу,
В траве некошеной.
Я на заре к тебе бегу,
Моя хорошая.
А сам гляжу за сенокос,
Где под осинами
Стоит туман твоих волос
Волнами синими.
Зарывшись в травы и росу.
Росу прохладную,
Я столько радости несу
Моей нарядной.
И плеск волны, и вздох души
В одно колышутся,
Один глоток твоей воды —
И легче дышится!..
Лес наполнен вешним звоном.
Ах, какие чудеса!
В майском сумраке зеленом
Хоровод ведут леса.
Как кружатся ясень с ивой,
Поглядеть хотелось мне.
Подойду — они пугливо
Замирают при луне.
Вновь иду, куда, не знаю.

Танец медленный вокруг.
Только рядом пред глазами
В грусти несколько подруг.
Обошел я их сторонкой
И назад внезапно — глядь!
Хитроумные девчонки
Тоже стали танцевать.
Лес наполнен вешним звоном,
Ах, какие чудеса!
В майском сумраке зеленом
Хоровод ведут леса.

РУСАЛКА

В трепете зеленом
Лес уснул.
Я в ночном бездонном
Утонул.
Низко над водою
Наклонились ивы,
Навсегда печалью
Ивовой красивой.
На реке русалка
Всколыхнула гладь,
И луною волны
Начали играть.
А над сонной речкой
Песни, песни стонут,
И зовет русалка
Головою в омут.
А какие груди,
А какие плечи.
Вынырнет по пояс —
Защититься нечем.
Брызги рассыпает
В позолоте лунной
И, чаруя, шепчет
О любви безумной.
Не приду, русалка,
Не чаруй, не надо.
На земле другая
У меня отрада.
Поняла и скрылась,
Лишь волна катится
Да камыш туманно
Серебрится...
1956

НОЧЬ

Что ты, ночь, без этой речки,
Крика сов,
Что ты, ночь, без этой речи —
Что без слов.
Разве мрак ты, раз по небу
Столько звезд?
Даже падают под вербу
В темный плес.
Не один я, ночь родная,
В этом море голосов.
Целый мир поет, рыдает,
Но без слов.

Лес — мой дом,

Постель — трава осенняя.
Скучно вспоминать былые дни.
Здесь мои и радость, и спасение,
Звезды — сердобольные огни —
Светят в душу,
Светят тихо, ласково,
Ни о чем не плачь и не горюй.
Завтра встретишь самую прекрасную,
Самую счастливую зарю.
Верится, что жизнь начнется заново.
Верится,
Что счастье впереди,
И когда над миром вспыхнет зарево,
Позовет вдруг кто-то: — Выходи!.

ГРУСТЬ

Вхожу в вечернюю прохладу,
К лесным озерам выхожу
И затаенно грустным взглядом
За нашей юностью слежу.
Она прошла здесь осторожно,
Легко раздвинула кусты
И скрылась в трепете тревожном
Лесов осенних и пустых.
Туманом озеро дымится,
И неподвижно спит камыш...
Воспоминанья, словно птицы,
Плывут в безоблачную тишь.
Какие зори здесь бывали!..
И чудится — сейчас вот, вдруг
Вновь огласятся лес и дали
Далеким детством нашим, друг.

Но грустно здесь.
Заря на плесы
Малиной спелой прилегла.
Не стонут песней сенокосы,
И не кричат перепела.
И стог никем не разворошен,
Стоит, как необжитый дом...
Бывает грусть такой хорошей.
Что расстаешься с ней с трудом.
1960

ЗАРЯ

В сугробы облаков вечерняя заря
Укуталась.
И синь полна мороза,
И облака пушистые горят,
Как будто кто по ним рассыпал розы.
1959

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Белым окутано мраком
Наше село.
Тявкнула где-то собака.
Все замерло.
Степь раскидалась широко.
А ширина
Тонет в сугробе глубоком
В свете окна.
Выйдешь из хаты — поземка
Крутит в степи.
Месяц в пуховых пеленках,
Ласковый, спит.
Мягкий снег кружит, пушистый,
На душе тепло.
И поземкой серебристой
Тропки замело.
Замер лес.
Мохнаты ветви,
Тишина вокруг.
Солнце матовое светит
В рое белых мух.
Снег кружится и кружится
В сонной вышине.
И деревьям что-то снится,
Что не снилось мне.
Может, слышат соловьиных
Песен голоса,

Серебристой паутиной
Спутав волоса.
1954

ОКНО

Окно мое узорами
Украсил Дед Мороз,
Волшебными просторами,
И долами, и горами,
И лепестками роз.
Любуюсь я картиною.
Луной озарена.
Передо мной былинная
Раскинулась страна.
Там снежные красавицы
Заводят хоровод.
Алмазы рассыпаются
Сияньем тысяч звезд.
Среди безмолвья грустного
Из сказок терема.
Родная сердцу русская
Волшебная зима.

СКАЗКА

Взвихрился,
Махнул и растаял,
И снежная пыль не дрожит.
И снова ложбинкой, кустами
С пригорков дорога бежит.
И в белых сугробах сыпучих
Дремучий задумался лес...
И сказки не выдумать лучше,
Таящейся где-то вот здесь.

* * *

Снег заколдованными лапами

Лежит на вышивке ветвей.
Дождями осени оплаканный
Пропал до лета соловей.
И все же есть в лесу звучание
В какой-то древний русский лад.
Как платья белые, венчальные,
Берез примолкнувших наряд.
И словно жду: со свистом, с гиканьем
В крутой с размаха поворот
Лихая тройка сани выкинет —
И кучер вполуоборот.

ОТТЕПЕЛЬ

Мороз и оттепель, мороз.
Они меняются все чаще.
И в чаще дрогнувших берез
Сильнее шорох шелестящий.
Весна, весна — она придет
И мир по-новому разбудит.
И поплывет, и побредет
Опять на удивленье людям.
И пусть все будет как всегда
И так останется навечно...
Когда ломает лед вода,
Теплее чувства, человечней

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Над угрюмым лесом
Месяц встал рогатый.
Словно под навесом.
Лес дорогу спрятал.
Сосны в позолоте
Снеговой и лунной
Хороводы водят
Плавно и бесшумно.
Весь заиндевевший
В тулупе овчинном
Деда, словно леший,
Машет хворостиной.
Мне тепло, уютно
Под его полою.
Лошадям не трудно,
Сани мчат стрелою.
Заунывно долго
Волки завывают,
И хвостом дорога
Быстрая петляет.
Сосенки отстали,
Мягко снег искрится.
И в туманной дали
Огоньки станицы.
1952

ПРЕДКУ

Во мгле веков родился ты,
Ко мне дошел сквозь смерть наречий,
Ты нес мне облик человеческий
Из той дремучей темноты.
Клыки, дубинка, и копье,
И меч, и первый посвист пули

Не раз, наверно, посягнули
На семя древнее мое.
Но я рожден,
Я все ж рожден!
В кипенье битв,
В хмельном угаре,
В любом несбывшемся ударе,
Что всюду сыпались дождем.
Тебе, мой предок, повезло,
И я тебя не забываю.
Меня ведь тоже убивали,
А я живу чертям назло.
1974

Костер горит, костер горит.

Огонь заламывает руки
За всех, кто в холоде разлуки
О чем-то с небом говорит.
Молчат пустые небеса,
Плотней костер сжимая мраком,
Вот где-то горько сыч заплакал,
И тихо дрогнули леса.
И построжели у огня
Людей задумчивые лица,
Недаром на него молился
Мой предок на исходе дня.
Огонь тогда его хранил
От злых когтей иль смертной стужи.
Высоко в небе искры кружат,
Как звезд зовущие огни.
1973

ЗВЕЗДА РЫБАКА

Звезды притаились в глубине,
Как бы их волною не спугнуть,
Стоит только руку окунуть,
Чтоб одна из них досталась мне.
Если верить в то, что есть звезда
В каждой человеческой судьбе, —
Я бы подарил ее тебе,
Но ее похитила вода.
Старики у нас твердят одно,
Мол, судьба таится у реки.
Оттого и верят рыбаки,
Что звезда их падает на дно.
Ты меня опять не дождалась.
Я на лодке третью ночь без сна,
Месяц чуть касается весла,

Третья ночь, как рыба поднялась.
Но сегодня, может, и вчера
Приходила ты к реке одна.
Оттого и звездочка со дна
Ласково мне светит до утра.
1960

ЗАХОД СОЛНЦА

Все мельче Дон,
И дальше видно дно.
Песчаных кос
Седеющие пряди.
И, отраженьем слитые в одно.
Вода и небо ждут —
Вот солнце сядет.
И туча ждет,
И ветер ждет во мгле,
Весь день он рвал,
Метал и куролесил.
И есть, наверно, что-то
На земле
Сильнее грубости,
Отчаянья
И песен.
1961

СЛЕДЫ НА ВОДЕ

На воде растаяли следы.
Скрылись лодки где-то за луной.
Только с потревоженной воды
Волны зашептали с тишиной.
Сеть плывет, и надо так держать —
Поперек течения, в туман.
Весла в воду — словно два ножа.
А вода Уходит В океан.
Плавно растворяется наш след,
Стелется дорожка от луны.
Топчут ее много сотен лет
Рыбаков упрямые челны.
Провожая легкий всплеск весла
До далеких, самых дальних стран.
Это я привет тебе послал,
Времени великий океан
В дым костра рыбацкого
В это пламя с тучами
Смотрит озадаченно
Моей жизни лучшее.
Побродил по свету я

Разными дорогами.
Много в жизни светлого
Дыма — тоже много.
С дыма не заплачу я,
Пусть глаза слезятся —
Угли в них горящие
Ярче отразятся.
Дым костра рыбачьего.
Это пламя с тучами,
Молодость горячая.
На огонь везучая!..
1964

ДОМИК НАД ДОНОМ

Кто-то в окно постучался?
Синица.
Кто-то прошел под окном?
Тишина.
Только стираются в памяти лица,
Только метель постоит у окна.
Я ли затерян,
Меня ли забыли?
Домик над Доном — мой странный уют.
Все мы любили,
Не всех нас любили,
Быть нелюбимыми все устают.
Я ли не бегал по белому свету,
Я ли судьбины другой не искал,
Но от Невы до амурских рассветов
Всюду съедала по Дону тоска.
Сети мне спутали руки и ноги,
Чем-то мила мне судьба рыбака.
Только зовут меня снова дороги,
Только она не пускает — река.
* * *

В мое окно заглянут звезды,
И проплывут в нем облака.
Дожди прольют, пробьют морозы.
Мое окно — вода, река.
Оно мое зимой и летом,
На мир гляжу я сквозь него.
За ним не спрятаться от ветра,
И от дождей, и от снегов.
Но если летний день спокоен,
Я часто вижу в глубине,
Как грустили за рекою
Твои глаза в моем окне.

ПОПУТЧИЦЕ

Нездешний я.
Заброшенный
Сюда совсем случайно.
Такая ты хорошая.
Красивая отчаянно.
В глаза твои серьезные
Гляжу, гляжу отважно я.
И вижу — уж не слезы ли? —
Твои ресницы — влажные.
В мое лицо задумалась,
Но только не увидела,
Какой я и откуда я
И что такое выдумал.
В изгибе губ надломленных
Приметил я невольно,
Что ими счастье ловлено,
Что им сегодня больно.
Выходишь из автобуса.
И больше нам не встретиться.
Земля побольше глобуса
И беспрерывно вертится.

НЕИЗВЕСТНОЙ

Осталась неизвестной,
Какая? — сам не знаю,
Но о тебе мне песни
У Дона рассказали.
Бродила где-то рядом,
Прошла, быть может, мимо,
Роняя в землю взгляды —
И оттого незрима.
Я звал — не откликалась,
Я ждал — не приходила.
Искал, где ты смеялась,
Но смехом эхо было.
И вновь окликнешь где-то
То смехом ты, то песней,
Идешь со мной по свету
Зовущей, неизвестной.

ХУТОРОК

Есть маленький хутор у Дона
С папахами чаканных крыш,
Там окна глазком затаенно
Глядятся в вечернюю тишь.
И падают сумраки в омут,
И верба грустит у плетня,

Там песней казачки застонут,
За душу хватая меня.
А выйдет ли та, я не знаю,
Накинув пуховый платок,
И жгуче окинет глазами,
Струящими синий поток,
И вскинет томительно руки,
И к сердцу прильнет, горяча.
На всю мою ревность и муки
Не станет никак отвечать.
Не выйдет она...
И не надо...
Так что же ты, сердце, стучишь
Безмолвна чужая левада.
Бездумна вечерняя тишь.
1965 * * *

Люби меня, любимая,
И не гляди с опаскою,
Лишь сверху нелюдимый я,
Внутри я очень ласковый.
Внутри я весь застенчивый
И даже робкий очень.
Одну лесную реченьку
Люблю я лунной ночью.
Быть может, там, над плесами,
Тебя я видел часто
С распущенными косами,
Похожую на счастье.
Стояла ты над бережком.
Над синими туманами,
Тебя ласкал я бережно
Глазами окаянными.
Стояла ты, стыдливая.
Зари залившись краскою...
Люби меня, любимая,
И не гляди с опаскою.

***

Эти руки, пахнувшие мятой,
Всколыхнули вдруг омуты дней,
Ее, тихую, кто-то посватал,
И совсем позабыл я о ней.

Были радости, были печали
И щемящих ночей тишина,
И не знал я, что в самом начале
Были только лишь я и она.

И когда, успокоенный снегом,
Я стоял у чужого плетня,
Кто-то с дальнего грустного бега
Натолкнулся и обнял меня.

Знал глаза я и эту улыбку
И тревожную ломкость лица.
Видно, память неверно и зыбко
Без начала жила и конца.

Только руки, пахнувшие мятой,
Всколыхнули вдруг омуты дней,
Ее, тихую, кто-то посватал,
И совсем позабыл я о ней.
1963

КОСЫ

Девчонка — косы русые.
Они такие русские...
Смотрю на них и чувствую
Я в пальцах нежность грустную.

Смотрю на эти волосы —
В глазах поля с колосьями,
Камыш да ива с косами
Задумались над плесами.

Они такие тучные,
Они так туго скручены.
Они росли под тучами.
Они ветрами мучены.

Они на грудь до пояса
Легли, умывшись росами...
Твои, Россия, волосы
Несет девчонка с косами.
1962

ВЕРНОСТЬ

Где-то,
В каком-то краю
Незнакомом и звонком —
Луг некошенный,
Птицы поют
И идет девчонка.
Вот она тропкою,
Рассеянная, робкая.

Ему навстречу
Идет так долго,
Так терпеливо-долго,
Что угасает вечер
И тропка превращается в дорогу...
...И подходит женщина
В черном и строгом.
И они застывают молча
И стоят, утомленные ожиданием.
Даже жизнь оказалась короче
Ее верности и страдания.
1959

ПЕСНЯ ЖИЗНИ

В радости, звенящей на пределе,
Человек совсем забыл о теле.
Он пошел, легко земли касаясь,
И к нему не липли грязь, усталость.
И к нему доверчиво, не дрогнув.
Звери выходили на дорогу.
А дорога шла над тихим Доном,
Расступался лес весенним звоном.
И в избытке ласковой печали
Глубь озер вершины ив качали.
Он не шел — летел легко, как радость,
И, казалось, не было преграды
Радости, звенящей на пределе.
Человек совсем забыл о теле.
Так бы он прошел сквозь мир и вечность.
Радость жизни приподняв на плечи,
Поклоняясь солнцу, травам, рекам.
Человек был просто человеком...
А навстречу легкими шагами,
Напевая песенку беспечно,
По дороге солнечных прогалин
Шла она, закутав в дымку плечи.
И к ее рукам склонялись розы,
На лице заря играла ало.
Что на травах росы, словно слезы, —
Этого она еще не знала.
Девственная тайна шла навстречу,
А вокруг цвело земное ложе.
Взглядом он пронзил ее тревожным,
Ну а ей закрыться было нечем.
Нервами пронизанное тело
Дрогнуло, запело, зазвенело!
И другие звучные аккорды
Человека повели в безбрежность

Всех страстей,
Где есть и боль, и нежность,
Униженье, стыд и рядом гордость.
И открылись человеку дали,
Свежим соком солнца налитые,
И легко на струны золотые
Две руки согласия упали
1964

ОБЕТ

Заведу размеренный порядок,
Буду и почтителен, и робок,
Буду здороветь от физзарядок
И не трогать...
пробок.
В городке своем добыюсь почета,
Может, даже сделаю карьеру.
В общем, скажут:
— Парень был-то чертом,
Стал —
примером.
Домик, сад, жена и все такое.
Обуздаю молодость и буйство.
Весел, обходителен, спокоен...
Да, брат, грустно!
Что же делать?
Жить-то как-то надо.
В домике чтоб было изобилье...
Нет, хочу лететь
и даже падать,
Мне бы —
крылья.
1957

***

Прости меня, я позабыл,
Что было и светло, и свято,
Что безнадежно нынче смято
Лихими буднями судьбы.

Прости меня, что я не тот,
Что промелькнули резво годы,
Что больше, больше непогоды
Из года в год...

Нам все труднее устоять,
Земля с-под ног летит по кругу,
И тянем руки мы друг к другу,

Чтоб в жизни что-то отстоять.

Что отстоять сумеем мы?
Так быстро вертится планета.
И там, где было столько света,
Для нас теперь так много тьмы.
1974

ПОД ДВЕРЬЮ

Откроешь дверь,
Когда я постучу?
Откроешь дверь?
Но только не теперь,
Теперь не открывай мне дверь.
Зачем?..
Я не хочу.

Когда б я снова мог
Шагнуть через порог
И прикоснуться к твоему плечу,
Тогда б я отдохнул от всех тревог
И от того, что смог или не смог.
Согреться бы,
Я в жизни так продрог...
Зачем?..
Я не хочу.

А если я к твоей двери приду
И грудью навалюсь и застучу,
Ты знай, что я опять попал в беду,
Ты знай, что я без памяти, в бреду.
Откроешь — на пороге упаду
И прошепчу:
— Зачем?..
Я не хочу

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Какой-то зал...
Плывут, мелькают лица,
И шум, и смех.
Вдруг — гром! И тишина...
Опять, Озирис, в жертву отдана
Тебе на сцене маленькая жрица.
Пред ней жрецов безмолвных вереница.
Как будто мертвая стена.
Литавров медный звук —
И словно вихрь клубится:

Изломы страстных рук —
Подраненная птица,
Летящая в огонь —
Кладущая ладонь...
И вечное движенье загадочной души,
Что жертвоприношение готовится свершить.
С безумной жаждой жить
Она в огонь бежит
И отступает снова,
И каждый жест — магическое слово —
Века пронзит,
Переживет народы,
И храма твоего в пустыне рухнут своды...
Но мечутся в песке горячем ноги.
Безмолвны осторожные жрецы,
И неподвижны каменные боги,
Их храмы, пирамиды и дворцы...
Там! Там! Та-там!
Грохочут литавры у мертвой безмолвной стены.
Там! Там! Та-там!
И вопли безмолвные
Гибкого стана
Чрез вечность слышны.
Там! Там! Та-там!
И тело горячее, юно подвижное
Мечется в боли огня!
И вижу я,
вижу я, вижу я, вижу,
Огонь пожирает меня!
И руки взметнулись в мольбе:
— О, Великий!
Дай людям любви за меня,
И влагу — пустыне,
И воду — в арыки,
И храброму — меч и коня!
Дай людям надежды
И дай им свершенья,
Дай страсти
их душам немым!..
И вот на лице у нее отрешенье.
И к небу вздымается дым...
У жизни на сцене
Все жертвы и жертвы.
Молитвы другие,
Другие обеты,
Другие одежды,
Другие невежды,
И вера другая!

А жертва
все так же сгорает нагая.
1965

ГНЕВ

Не гнева, грозный громовержец,
Я в этой жизни утрашусь.
Зачем же ты утратил нежность,
Зачем же ты утратил грусть?

Ты высоко, недосыгаем
С разящей молнией в руке,
Тебе не видно под ногами,
Как нежность плещется в реке.

Какие руки, груди, плечи!
Испепели ее, злодей.
Она не вечна,
Ты не вечен,
Ты так же смертен без людей.

Ты медлишь, жаждешь преклоненья,
Хвалы и славы, жалкий бог.
Но без ее надежд, сомнений
Ты божеством бы стать не мог.
***

Просьба

Люди, я не нищий.
Я безденежный.
Тратить деньги — легкая рука.
Но слова я собираю бережно.
Где-то в них заветная строка.

Люди, я не нищий, не обиженный,
Не глядите так на мой наряд.
Но зато, чтоб жизнь узнать поближе,
Я с себя рубаху скинуть рад.

Душу не прикроешь модной тряпкою,
У меня наружу — вот душа.
Я же к вам с душою, а не с шапкою,
Я же к вам, чтоб жизнью подышать.

Я не беден, мне не надо жалости.
Мне одним вы можете помочь,
Если в откровении до жадности
55

Будете со мною день и ночь.
1964

МУЗА

На перепутье океанов
Людских надежд, страданий, слез
Ты грациозно и неожиданно
На солнечный ступила плес.
Под гомон птиц и говор леса.
Задев заветную струну,
Из полусумрака и песен
Ты приоткрыла мне страну.
И я вошел в нее, смущенный,
Твою увидев наготу,
И стан твой полуосвященный
Куда-то падал в темноту.
Я шел...
Зари стыдились реки,
В огнях сгорали города,
Брели блаженные, калеки.
И ты звала меня туда.
Я видел — в этом мире странном
Нас только двое — ты и я.
И как в угаре, словно пьяный,
Я крикнул гордо:
Ты — моя!
И отдавалась ты покорно,
И исчезала, словно дым,
То шла ко мне вся в строго-черном,
То вся из света и воды.
О, как легко ты предавала
Меня с восторженной душой!
В любовь, и жизнь, и в смерть играла,
И вот конец игре пришел.
Не будешь ты со мной счастливым,
Люби, бери, страдай и мучь,
Я ненасытна, я ревнива,
А ты ничтожен и могуч.
Хоть стану я тебе постылой,
Нигде не скрывается от меня.
Достать сумею из могилы,
Сожжешь — воскресну из огня.
1974

СОВЕСТЬ

Меня вывихивали так,
56

Что можно было б и свихнуться.
Пришлось мне с детства окунуться
В бездонный омут пьяных драк.
Родители, не в том упрек,
Не в том беда, что перебыло,
Но все, что сердце не забыло,
В нем превращается в порок.
Я перед вами виноват,
Что не зову вас «папа», «мама»,
То, может быть, не я, а сам он,
Язык, что с детства грубоват.
В больной сугубости ночей,
В хмельном угаре забываясь,
Я безразлично улыбаюсь
Над бытом глупых мелочей.
Тогда мне тоже наплевать
С твоим, отец мой, фанфаронством
На жизнь, на предков и потомство,
Исправно славя бога мать.
Но крик! Хмельной тот дикий крик,
Я знаю, ветром не относит,
Его на дно души мне бросит,
Чтоб светлый заглушить родник.
А новый день уже настал,
Храня угрюмую суровость.
Я знаю, что такое совесть,
Когда та совесть нечиста.
И смутной памяти ножи
Мне кровь тайком исполосуют,
Они такое нарисуют,
Чего б и сам не пережил.
Казнись и мучайся, дурак.
Ведь ты ничтожнее букашки,
Ты бил посуду, рвал рубашки,
А был рожден для лучших драк.
Родители, я был рожден,
И вы хотели, без сомнений,
Чтобы у вас родился гений,
В одно число рожден с вождем...
Ах, как мечты наивны эти,
Как отравляет сладость лжи,
Я потому сегодня жив,
Что очень рано совесть встретил.
И потому сегодня болен,
Что целой жизни рядом нет.
Отец, я тоже алкоголик,
Да вот к тому ж еще поэт.
Мне эту боль с души не сбросить,

Как тело легкое с моста.
Ты знаешь, что такое совесть,
Когда та совесть нечиста.
1968

РОССИЯ

Идут дожди холодные и злые.
Россия в пасмурной грязи.
И низко тучи грозовые,
А там хоть мертвых вывози.

Уже обобрана до нитки,
С душой, надломленной от слез,
Тебя вели вожди на пытки,
Босую, в гибельный мороз.

По лагерям, по зыбким топям
Всходила, Русь, на плаху ты,
И снежные кружились хлопья —
Твои надгробные цветы.

Но ты воскреснешь,
Ты воскреснешь.
Ты воскресала столько раз!
Не будет лжи и лживых песен,
Пропетых кем-то на заказ.
1989

ЯЗЫК

Язык наш русский сказочно богат,
На нем мы обращаемся к богам,
На божью мать ссылаемся так часто,
На нем поем о счастье и несчастье.
Язык наш — наше зеркало души,
Мы в нем наги, плохи иль хороши.
И как тут ни хитри, и как ни льсти,
Язык наш не удастся провести.

Он выдает: ты скряга или мот,
Он с головой всегда нас выдает,
И сквозь завесу пышную словес
Он болтуна низвергнет вниз с небес.

Мы умерли, остались письменна,
Остались в мире чьи-то имена,
Пусть никого на сей земле не станет,

Их прочитает инопланетянин —

Из тех, что к нам в тарелке прилетит,
Он разберет и боргес, и петит,
Он все поймет по матрицам газеты,
Куда девались люди с сей планеты.

1973

***

Игорю Григорьеву

Где стекло задумчивой воды
И на берег нависают ивы,
По стволам заметные следы
В уровень весеннего разлива.

Здесь всегда весной поток бурлит,
Оттого к земле кусты пригнулись,
А деревья гордо от земли
Кроны золотистые взметнули.

Знать бы им, что где-то города
Есть с домами всех деревьев выше.
Что людской поток там не вода,
Но вода бурлит намного тише.

В том потоке легче утонуть,
И на ровном — легче оступиться...
Хорошо мне в эту тишину
Дорогие вспомнить в жизни лица.

Вспомнить тех, кто вовремя помог
По притонам дна не заблудиться.
Может быть, и есть на свете Бог,
Только не ему за то молиться.

***

Игорю Григорьеву

Я вдаль смотрю, когда темно вокруг,
Когда — чтоб не сломать случайно шею —
Все смотрят под ноги, в глазах тая испуг,
Я вдаль смотрю, иначе не умею.

Пусть грязь и ямы и скользит нога.
И ничего вдали — ни капли света —
Я вдаль смотрю, и жизнь мне дорога,
Но жизнь не эта.

Неверный шаг и, может, роковой,
И я уйду из жизни с тем же взглядом,
В большую жизнь — с протянутой рукой.
И не взгляну на то, что рядом.
1955г. Ленинград

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Не говори мне слов ненужных
И нужных слов не говори.
Они отдушиной мне служат,
Когда в груди пожар горит.

Когда мелодией весенней
Чужая юность зазвучит,
Не говори мне слов, Есенин,
Давай немного помолчим.

Мы так близки, душой похожи.
И разве им когда понять,
Что это просто невозможно
В моей душе твою унять.

И даже в этом ты виновен,
Что людям сердце обнажил,
Что в каждом звуке, в каждом слове
Мою ты раньше жизнь прожил.

Теперь ее я продолжаю.
И ты живешь опять во мне.
Живи, ничуть не возражаю,
Молись и травам, и луне,

Люби цветы, собак и женщин
И пить вино спеши в кабак.
Нам так нужны все эти вещи —
Не проживешь без них никак.

Ханжа, понятно, нас осудит,
Нам позавидует болван.
Ах, если б только знали люди,
Что Черный Человек не пьян.

Что он всегда следит, не дремлет,
Куда бы мы с тобой ни шли,
Что он готов загнать нас в землю
И вновь достать из-под земли.

Он без конца готов нас мучить,
Хрипеть, гнусавить без конца.
Про нас он знает все всех лучше,
И не уйти от подлеца.

Его лишь песен гонит пламя,
Тогда он прячется в тени.
Сгорел ты... (Только между нами.)
Сгораем только мы одни.

Бормочут: «Надо бы иначе!..»
А если тех «иначе» нет?
Когда поэт сгорает, значит,
В людских сердцах живет поэт.
1964

***

Настои трав. Серебряный туман.

И тишина задумчивого леса.
Зачем пришел сюда я, хулиган,
Ведь здесь совсем не слышно
Птичьих песен.
Пускай луна струится сквозь кусты,
Как желтый хмель, ко мне стекая в душу,
В моих глазах, холодных и пустых,
Уже ничто покоя не нарушит.
А осень спит холодным чутким сном,
И хорошо вдыхать мне запах сена.
Пускай совсем, совсем я не Есенин,
Но знаю я об этом обо всем...
Настои трав. Серебряный туман.
И тишина задумчивого леса.
1969

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Пускай жесток к поэту этот мир,
Когда безумие им правит.
Поэт идет, идет на бранный пир,
Не думая о почестях и славе.
Блаженен он, когда среди людей
И радости, и боли рядом нижет,
И с праведником чокнется злодей,
И каждый, каждый был унижен.
Так этим справедливы мы
В своем ничтожестве глубоко,
Что нас встают из тьмы
И тьмы, и тьмы

От запада и до востока.
Но в нас кипит священных чувств накал,
В нас закипает,
А азиатская тяжелая рука
В своем безумии слепая.
Нас усыпить хотели, всыпать яд
Нам раболепия и покорства.
Но был в нас ад,
Останется в нас ад
И это адское упорство.
Не покоримся мы,
Не склоним головы,
Кровь азиатская бунтует!
И если мы бываем не правы,
Мы отвергаем ложь святую.
1974

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Классический вопрос тот:
«Быть или не быть?» —
Мы задаем в другом уже масштабе.
Там в ухо королю могли отраву влить,
Чтоб было сладко королеве-бабе.
Там все ничтожно:
Быть или не быть
Каким-то принцам,
Камерным злодеям,
А тут всего лишь шар земной сгубить,
Которым мы так много лет владеем.
Так быть или не быть,
Не верить, не любить,
Не знать, что мир наполнен чудесами...
Все верно: смертны все под небесами,
Но не могли нас сразу всех убить.
Мы — продолжение снов
И чьих-то грез,
И те, что нас когда-то покидали,
Не думали, конечно, не гадали,
Что этот нам вопрос решать всерьез.
1985

***

Татарин, славянин и турок —

Во мне и запад, и восток.
Свою безумную натуру
Я укротил бы, если мог.

Смешались в ней порок и святость,
Безумство храбрости и страх,
В ней гордость дикая и слабость,
Христос в ней, дьявол и Аллах.
2001

***

За окраиной хутора

Все пески и пески.
Одиноко и муторно
От щемящей тоски.

Чахнет хилое озеро —
Ряска, чакан, камыш.
Это наше Березово,
Эта глушь, эта тишь.

В родниках заболоченных
Еле бьются ключи.
Спят дома, заколочены,
Дятел в стену стучит.

Ах, картина печальная
Опустевших дворов.
Спят сады одичалые
На ладонях миров.
1989г. х Березки

***

Люблю бывать на хуторах,

На хуторах патриархальных,
Там все так тихо, так печально.
Там наша древняя пора.

И эти старые плетни,
И одинокая раина,
Как будто не дождавшись сына,
Бесцельно доживают дни.

И брошенные куреня
Стоят, но жить давно устали,
И окна им смежили ставни,
И светлого не видят дня.

Но вон — корова, вон — телок,
Вон вышла древняя старуха,

Она мне подставляет ухо:
- Откель, откель же ты, сынок?

Да здешний я, а не откель...
Забрел сюда совсем случайно.
Как будто с нежностью печальной
Ищу свою я колыбель.
2001г. Серафимович

***

Улыбка судьбы — и на белый свет

Не по собственной воле
Один незадачливый русский поэт
Явиться изволил.
Он рос как дичок,
Был немножечко хил
И почему-то застенчив,
Он никогда б не писал стихи
И не касался женщин.
Но были разливы большими тогда,
Вода заливала у дома порожки...
Вы же знаете, что такое вода
И над водой с тополей сережки?
И лодка, — у самых перил крыльца, -
Тоскующая о веслах.
Он думал, что нет у разливов конца
И что повторяются весны.
Не очень легко-то держать весло,
В простор необузданный править.
И вот его с детства в него понесло
Без мамы, без папы, без правил...
И были таинственные острова,
И темно-зеленые гроты,
И облака, и вода, и трава —
И все — его — не кого-то.
Наверно, почувствовал он тогда
Себя хозяином мира,
И где-то с ветки сорвал без труда
Свою зеленую лиру.

ДОНСКИЕ БЫЛИ

«Дон-н! Дон-н! Дон-н!..» —
Звучат колокола над Доном,
Далёко звук плывет,
За лесом замирая,

И первая звезда
Над сумраком зеленым,
И алая заря
От края и до края...

Горит закат,
Горит пожар великий,
И синь небес
Он обращает в пепел,
И воронье летит,
И долго слышат крики
Задонские луга,
Леса и степи.

Дон засыпает...
Гладь его недвижна,
В ней четко отразились
Берега и своды,
И раннюю луну
Доступнее и ближе
В свои объятья
Принимают воды.

Готовит ночь уют
И сон спокойный
Усталым птахам...
С первой звонкой трелью
Вторая зазвенит,
И за рекою проплачет выпь,
Проплачет еле-еле...
Там бродит тайна
В сумраке чащобы,
Тревожит ночь
То хохотом, то криком...
И детская душа замрет
(Еще бы!..),
Когда зари совсем угаснут блики.
Но у воды не страшно,
Над обрывом
Склоняет ветви
Тополь величавый.
Плеснет рыбина
В тишине залива,
Скользит река
Задумчиво и плавно.
Скользит река...
Костер бросает тени,
И высоко летят,

Во тьме сгорая, искры.
И никаких чертей и привидений
Костер к себе
Не подпускает близко.

Три паренька сидят,
В огонь глаза уставя,
В них пляшет пламя,
Словно в чистых водах.
Они сидят задумчиво, устало,
И их баюкает великая природа.

Ласкает пламя котелок солдатский
У краешка костра...
Уха уже готова.
Три паренька едят,
Их ложки часто-часто
Ныряют в котелок,
И все молчат —
Ни слова.

Уха горячая им губы обжигает,
Они за каждым разом осторожно
На ложки дуют...
Что-то их пугает,
Замрут вдруг,
Оглянутся в лес тревожно.
Костер притух,
Покрылся синим пеплом.
И небо явственней,
И звезды ярче, ближе.
Вдали луна посеребрила степи,
Огромный мир могуч и неподвижен.
Лишь Дон легко переливает струи.
«Тыр-ли-ли-ли!» —
Кричит ночная птица.
И теплый ветерок,
Как будто озируя,
Прохладой лёгкою
Их обвевает лица.
Один к костру,
К товарищам спиною
Садится и глядит
Задумчиво на воду.
Скользит река
И вместе с тишиною
Уносит чьи-то дни, недели, годы...
Так вижу детство я,

Свой край воспоминаний,
Далекий, светлый край,
Он все родней и ближе.
Сквозь грохот поездов,
Разлук и расстояний
Свой край родной
Все ближе, ближе вижу.

Наш домик вижу.
Рядом старый тополь
(Последний домик
На краю станицы),
И ширь весёлого
Весеннего потопа,
И по воде к окну
Бегущие зарницы.

На лодке в лес весёлою гурьбою
Плывем в простор,
Нетронутый и чистый,
Под нами — глубь
И небо голубое,
Над нами
Распускают вербы листья.
Нырять с лодкой
Под густые своды,
Не слышно опуская в воду вёсла
Какими долгими
Казались эти годы,
Как быстро
Промелькнули эти вёсны.
Декабрь 1974 Саратов

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Тонкие берёзки
Встали в хоровод,
Загляделся месяц
В гладь зеркальных вод.
Песни, песни льются
Звонко и легко,
Где-то плачет филин,
Где-то далеко.
Нет, то плач ребёнка!
Там, в глухом лесу,
Видно, злые волки
Ванюшку несут...
Нет, наверно, филин,

Вот, кричит опять.
Или нет? Ребенок? —
Не могу понять.
Тише, тише, тише,
И совсем умолк.
Ничего не слышу,
Филин или волк?
Соловей залился
Трелью в перелив.
Я застыл немея,
Обо всём забыв.
Прокатилась звонко
Трель по глади вод.
Звуки замирают,
И душа поет,
И поет, и плачет,
И чего-то ждёт...
Загляделся месяц
В гладь зеркальных вод.

ЁЛОЧКА

Невесомы хлопья белые
В тишине летят, летят,
Спят деревья поределые,
Сном волшебным лес объят.
Забрела в сугробы ёлочка,
Призадумалась в снегах,
Изумрудные иголочки
В серебре и жемчугах.
Ходят-бродят вьюги снежные,
Настоящий Дед Мороз
Украшает зелень свежую —
У него игрушек воз.
Он с тобою поиграется,
Тронет веточку рукой.
Снег на шапку осыпается —
Вот забавник он какой.
И пропал.
Лишь хлопья белые
В тишине летят, летят,
Спят деревья поределые.
Сном волшебным лес объят.

В СТАРИНУ

В зимний вечер, бывало часто,
Скажет бабка: — У нас на Дону!..

И встают пред глазами цветасто
Сказки-были про жизнь в старину.
Может быть, я и видел когда-то,
Как мой дед от зари до зари
Шёл за плугом, согнувшись горбато,
Да с быками про «жисть» говорил.
А потом на коня вороного
Да под стук ошалелых копыт —
Лишь с трудом, может, верил он снова.
Что пока не убит, не зарыт...
Видел русские Святки, венчанья
С бубенцами на тройках лихих!
И постов бесконечных молчанье
С причитаньем «За наши грехи...»
За какие грехи-прегрешенья
Там молились, судить не берусь.
Иль в молитве нашли утешенье,
Или, песней развеявши грусть
В удалом, разухабистом гике
С бубенцами в трескучий мороз,
Веселились на праздник великий,
Веселились от слёз и до слёз.
1957

РОЖДЕСТВО

И наступило Рождество,
И в дом никто не постучал.
В углу, измученный крестом,
Христос коричневый, свеча.
А помню я, давным-давно,
Во времена большой беды
Их было много — скул худых
И с ними сытых заодно.
За ними вьюга в дом ползла,
Они Христа входили славить
За то, что он ни капли зла
Поправить в мире был не в праве.
Ботинок мерзлых помню стук,
Глухой, холодный, бестолковый.
Не знал я, что войны окопы
Такой издать способны звук.
А бабка! Как она цвела!
Как будто щедрой королевой
Она направо и налево
Дары Господни раздавала...
...И наступило Рождество,
И в дом никто не постучал.
И праздник так же был постом —

Христос коричневый, свеча.
И грустно сжались старики.
И мне их жаль.
Взглянул на Бога,
Он с черной не сошел доски...
До душ людских трудна дорога.
1967

ПТИЦА

Разве, птица, ты не понимаешь
Красоты полёта своего?
У меня ты, птица, отнимаешь
Все родство вот с этой синевой.
Ты для неба ближе и роднее
Всяких самолетов и ракет.
Потому что им летать труднее,
Легкости такой в них, птица, нет.
Ты легко порхаешь между веток.
Ты паришь, крылом касаясь туч.
Был бы птицей мой далёкий предок,
Был бы я свободен и могуч.
Птица, птица, оттого и снится
Мне сейчас такой далёкий век.
Чтобы хоть вороной, хоть синицей
Полетал по свету человек.
1957

ГОРЛИНКА

Ранним утром горлинка воркует,
Словно целый век она векует,
Грустно так, так грустно, одиноко,
Оттого и слышно так далёко.
Лес застыл в молчанье затаенном,
Словно сам когда-то был влюбленным,
Только унесли ветра невесту,
А ему не сдвинуться и с места.
Ранним утром горлинка воркует,
Ранним утром горлинка тоскует,
Оттого так трепетно и внятно,
Почему тоскует — всем понятно.
Снова солнце всходит, солнце всходит,
А она кого-то не находит.
Если б не ждала и не искала,
Может быть, вот так не ворковала
Запела ты про синь лесную,
Про золотые облака.

И вспомнил юность и весну я,
И, может, чуточку взгрустнул я.
Как тихим вечером река.
И мощь, и ширь в глуби томится,
И плеск раздался в тишине.
Крылом тугим взмахнула птица,
И хочется сейчас напиться
Воды донской прохладной мне.
А в затуманенной прохладе
Две пары белых лебедей
Плывут в таинственном наряде...
Ты смолкла.
Гаснет даль во взгляде,
И вижу лица я людей
Вечерний сумрак, тишина.
Вода и небо неподвижны,
И в глубине спокойной вижу.
Что ты одна.
Я вижу эту глубь до дна.
Доступны дали мне и выси,
Один средь звёзд, и снова мнится,
Что ты одна.
Вселенная пуста и холодна,
Разбросаны миры в ней как попало,
И оттого мне всей вселенной мало,
Что ты одна.
Ведь ты всегда так близко мне видна.
Куда б меня и как ни заносило.
Сильней всех притяжений эта сила,
Что ты одна
Ночь светла и легка,
Так светла, что светлей не бывает.
И вздыхает река,
Словно что-то в глуби убывает.
И плывут облака
Белоснежные с лодкою рядом.
Ты ведь ждешь рыбака,
Ты ведь ждёшь...
Потому что так надо.
Плавно сети плывут,
Опускаются тихие вёсла.
Люди проще живут,
Только жить с рыбаками непросто.
Я окликнул сову,
И она мне в ответ рассмеялась.
Словно сон наяву,
Навалилась на плечи усталость.
Только ночь-то светла,

Так светла, что светлей не бывает.
И луна от весла
Недалёко совсем проплывает.
И уходит весна.
Как ушли наши прежние весны.
Ты ведь тоже без сна —
Ты ведь рядом со мною на веслах.
1969

ГИМН ГОРДОСТИ

...Искусство там, где ущерб, потеря, страдание, холод.
Из личного письма Л. Блока
Любовь не терпит униженья,
Любовь наивна и горда.
Ты объявила мне сраженье
В те наши юные года.
Свободно, строго и надменно
Ты посмотрела сквозь меня,
Но вдруг лица коснулась бледность,
И в сердце ярость я унял.
Ты покорила непокорных,
Ты гордых бросила к ногам,
Не замечая лишь упорно
Во мне ни друга, ни врага.
И вот над заревом в осоке.
Когда легко дымится плёс,
Увидел я твой стан высокий
С волной распущенных волос.
Покровы пали с тайны бёдер,
И, в гордой прелести застыв,
Ты растворилась вся в природе
Воды, тумана и листвы.
Волна касалась коленей,
И взгляд неясный в глубине
Скользил подобно зыбкой тени,
Пронзая все сосуды мне.
Ты не казалась обнажённой
В своей сверх гордой наготе,
И был я словно обожжённый,
Хотел уйти.... И не хотел...
Нет, ты меня не окликала,
И я к тебе не подходил.
Лишь дрогнул воздух от накала,
Где ты одна и я один...
И на струне желаний дерзких
Запела, зазвенела страсть!..
И в воду бросились мы резко,

Чтобы на землю не упасть.
Разбилось всё: заря и небо.
Ушли в безбрежье берега...
Ни я, ни ты — никто там не был,
Была там звёздная пурга.
Сгорали солнца, звезды гасли.
Туманом неба ширь плыла,
И снова вспыхивали властно
Не остуженные тела.
И только девственно-стыдливо
Звучали нежностью слова.
Как вздох прилива и отлива.
Произнесённые едва.
В ключе печали, величаво
Лучась, мелодия росла
И изумления начало
В простор неведомый несла...
Но мир угас,
Упали звуки,
Ты тихо к берегу пошла,
Неся безжизненные руки,
И непокорна, и грешна.
Любовь не терпит униженья,
А страсть — хоть в омут головой,
И я поверил в поражение,
А не в победу над тобой.
С тобой мы изредка встречались
У этой жизни на углах,
И не могла ты скрыть печали,
И покориться не могла.

Дождик стих, ты ушла
И обсохла дорогой.
Только где-то в кудряшках волос,
Может быть, и осталось немного
Светлых рос,
Светлых грез,
Горьких слез.
1964

КАРУСЕЛЬ

Томилось в рощах зарево заката.
Легко неслась земная карусель.
И от меня летела ты куда-то,
И я один над бездною висел.
Ты не звала меня в своё отчаянье,
И далеко тянулся взмах руки.

А между нами замерли печальные,
Такие же немые седоки.
Я вижу, вижу: бьётся платье белое.
Как стайка беспокойных голубей.
И знаю — ничего уже не сделаю
В маняще ускользящей судьбе.

ЖАЖДА

В расколе дней
Неистовых и страстных
Я надрывался телом и душой,
А ты — мираж.
Всего мираж прекрасный,
И я к тебе пустыней знойной шёл.
От жажды губы трескались сухие,
Язык умолк,
Но я тебе кричал.
Я так кричал,
Что вздрогнули б глухие,
Топор из рук бы выпал палача.
Но, как мираж,
Исчезла ты однажды,
Когда же я очнулся,
То в груди
Пылал огонь
Неутолённой жажды
И звал: - Иди!
Иди за ней! Иди!

РЕВНОСТЬ

Скрипят половицы и двери,
А я ей не верю и верю.
Не жду, не надеюсь и жду,
Сомнение — страшного зверя —
На нитке надежды веду.
Покорный идет и угрюмый,
Чудовищной скованный думой.
А если его расковать?
Тут будет и рёва, и шума!
А стоит ли так рисковать?
Страсть не бывает без стыда.
Но страсть и стыд несовместимы,
Они всегда друг другу мстили,
И будут, будут мстить всегда.
Но без стыда бывает ложь.
И если обнажены жены,
Перед натурой обнаженной
Не вспыхнет пламенная дрожь.

О! Это сметь или не сметь!
Испепелиться в невозможном.
Любовное прекрасно ложе,
Куда стыдимся мы смотреть.
Стыдись же взгляда, нагота.
Храни в себе святую тайну,
Чтобы негаданно, нечаянно
Сверкнула светом темнота

ТИШИНА

Пожелтели листья на деревьях,
Как всегда желтеют в октябре.
Предо мной загадочный и древний
Вещий лик в вечерней сник заре.
Вижу, слышу, что-то понимаю,
Что-то в тишине осенней жду.
Тишина же до того немая,
Словно кто-то, землю обнимая.
Хочет отворотить от нас беду.
Тишина.... Была она и будет.
Что пред ней агония ракет?
Сколько нарушали её люди,
Сколько потрясало землю бед!..
Я стою, к деревьям приобщённый,
А деревья спорят с тишиной —
Дрогнул лист и что-то возмущенно
Зашептал, срываясь надо мной.
Дон вздохнет,
Туманами укрытый.
Спит река.
Просеивает дождик
Через сито Облака.
Дон пустынен осенью глубокой.
Обмелел.
Спит река.
И ночь ползёт с востока
По земле.
Затяжная ночь.
Сырая осень.
Тишина.
Никого уж ни о чём не просит
Эта сторона.
Берег чёрный с осыпью корявой
Да лешачий крик.
Горький берег —
Гибель и расправа...

Спи, старик...
1973

Станицы, хутора, деревни

В лесах заброшены, в песках,
Стоят унылые деревья,
Как древнерусская тоска.
Здесь мир как будто околдован
В покойном, беспробудном сне,
Лишь нержавеющей подковой
Река блестит во всей красе.
На скособоченную хату
Легла усталая луна,
И полилось серебро и золото
Из омертвелою окна.
Росли здесь витязи и девы.
Куда исчез их гордый дух?
Давно забытые напевы
Едва улавливают слух.
А где-то в мире сверхполезном
Уже за тридевять земель
Скрипят заржавленным железом
Врата несмазанных петель.
1988

Слышу леса тихий ропот.

Осень, сырость, холод, холод,
Обрывает ветер листья,
Не хочу я с лесом слиться,
Примириться с белым светом,
То — другое — было летом,
А теперь сырая осень.
Ничего душа не просит.
Лишь покоя, лишь покоя...
Слышу ропот — что ж такое?
1973

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Облака над Доном плыли,
Голубые воды пили.
Пили воды, не жалели,
Все синели, тяжелели.
А потом дожди плясали
Над полями, над лесами.
Видел я, как ветер тучку
Уводил в туман под ручку.

О СУДЬБЕ

Жизнь твоя написана тобою,
И кому ты что ни говори,
Детство — это небо голубое
С ясными наплывами зари.
Я не знал, что жить нельзя уж хуже —
Ведь вокруг меня была война.
Но пришла весна, сквозь голод, стужу
Я увидел неба синь без дна.
А судьба останется судьбою,
Говорят — судьбы не миновать.
Жизнь твоя написана тобою,
Остальное всё одни слова.
Оттого, подумав над собою,
Я другим вовек не говорил,
Что обижен с детства был судьбою,
Что не видел светлой я зари.
Узнал я, что такое храбрость,
Узнал я, что такое страх,
Узнал я, что такое слабость.
Что не сдержат себя в руках.
Узнал я, что такое скромность
И что такое хвастовство.
Узнал я, что такое совесть
И что такое воровство.
И что такое наслажденье,
И что такое пустота,
И что такое наважденье
Над бездной белого листа.
И что такое боль разлуки,
И что такое радость встреч,
Узнал я, что такое муки,
Когда себя не убережь.
Беду узнал, узнал и радость,
Нажил друзей, нажил врагов.
Не так уж мало мне досталось,
Но отчего же эта жадность,
Что не хватает мне всего?..

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Каждый отвечает за себя,
Безответных нет людей на свете,
Разве слишком слабые да дети.
И любя, и веря, и грубя,
Каждый отвечает за себя.

За себя ответить я могу
И, когда случится неудача,
От людей души и глаз не прячу.
Оттого скажу и не солгу:
За себя ответить я могу.
За себя ответить я могу
Даже перед совестью и Богом,
Сам себя судил я очень строго.
От долгов своих я не бегу,
Оттого скажу и не солгу:
За себя ответить я могу.
1968г
***

Спалю себя на синем пламени,

На этом медленном огне.
Всю жизнь в меня швыряют камнями,
И все же эта жизнь по мне.
Я не ищу у ней признания,
Я забытья теперь ищу.
И все ж за это прозябание
Я перед смертью все прощу.
Пока живу, живу и мучаюсь,
Горю на медленном огне.
И мне плевать, во всяком случае.
Что что-то не простится мне.
1983

Хочу я чьей-то похвалы,

Хочу какого-то признанья.
Но не сносить мне головы
И не уйти от наказания.
Своей души я не берёг
И попусту себя растратил.
И не растратить я не мог,
Чтобы до времени не спятил.
Таков уж наш хороший свет.
И так все в нем друг друга любят.
И если графомана — нет,
То уж поэта в нем погубят.
1983

ТАЛАНТ

Мой скромный дар, не кинь в беде меня,
В сомненьях я скитаюсь присмирелый.
Не различаю ночи я ни дня,

И всё во мне как будто отсырело.
Парить в мечтах высоких не могу.
Не та в душе наивненькая резвость.
Должник ли я иль у меня в долгу
Вся эта рассудительная трезвость?
Я вслушиваюсь в шорох камыша.
Но слов его, увы, не различаю,
Глухонемой становится душа,
И мозг забит пустыми мелочами.
Хотел бы я стряхнуть сомненья сам
И вновь над нашим бытом многотрудным
Подняться ввысь, подняться к небесам.
Безумным был, зачем же быть мне умным
Хотел бы я читать по строкам гроз
О смысле этой жизни величавой
Неразрешимый вечности вопрос,
Что нет конца, что также нет начала.
Мой скромный дар, не надо громких слов
Шепни одно — заветное — такое.
Чтоб потрясти основу из основ
Смиренного душевного покоя.

ЗАПОВЕДИ

Не очень радуйся.
Не очень огорчайся,
Вообще не очень.
Просто так живи.
Приходится прощаться —
Попрощайся,
А если рвать,
То сразу оборви...
Не возлагай надежд
На рок и случай,
Трудись, твори
И в меру, и сверх сил,
И никогда не думай.
Что получишь,
И ничего сверх меры не проси.
Ни от кого не принимай подачки.
Не унижайся ради всяких благ.
Когда дают,
Подумай об отдаче.
Когда зовут,
Не делай первый шаг.
Когда не друг, не недруг,
А приятель
Тебя без всякой цели предаёт,

Подумай, что все люди — братья,
Все человечество — один огромный род.
Живи, но так, как будто после смерти,
Ведь мог сто тысяч раз ты умереть.
Тогда любой удар с усмешкой встретишь
И, так же усмехаясь, встретишь смерть.
1988

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Мой час пробил — не поздно и не рано,
И никуда не деться от судьбы.
Но отчего, всю жизнь такой желанный,
С такой печалью звёздный час пробил?
И отчего тревожно мне и грустно?
И отчего я страшно одинок?
Мой час пробил, а в нём такое чувство.
Как будто смог не всё я, что бы мог...
Я — человек, рождённый человеком
В глухие сумерки падений и тревог,
Я всё прошёл с моим двадцатым веком,
Я всё бы смог, но что-то я не смог.
Когда года теченьем уносило,
Когда, казалось, нет уж больше сил,
Мой Дон давал, давал мне эти силы,
Я большего у жизни не просил...
И даже в снах, не ведая гордыни,
Спешу родной переступить порог...
И знаю, что вовеки и отныне
Часы пойдут и станут в должный срок.
1988

ВОЙНА

А я ни разу не был на войне,
Война лишь только раз прошла по мне.
Оставила на память боль увечья,
Чтоб знал, как надо жить по-человечьи,
Кто б ни хитрил, ни мудрствовал в стране.
А я ни разу не был на войне.
Я осознать не мог её вполне,
Когда наш старый сад сминали танки,
Когда сжимали нас в тиски атаки,
Когда казалось, что весь мир в огне,
А я ни разу не был на войне.
Но обмирал я в жуткой тишине,
Когда вдруг умолкал обвальный грохот,
Когда не знал, что это ведь оглох я.

Когда всё безразлично стало мне...
А я ни разу не был на войне.
С тех пор я плохо слышу, зорче вижу,
С тех пор насилье, подлость ненавижу,
С тех пор от этой жизни в стороне.
Я понимаю — был я на войне.
1987

Келья моя, как ущелье —

Кровать да стол,
Тусклое освещение
Над листом.
Но отчего же вижу
Ласковый луг?
Что мне Нью-Йорк с Парижем?
Простор вокруг!
Мне наплевать на роскошь
Ярких реклам.
Знаю, там было б тошно,
Тошно — нам.
Вновь никем не виданное утро
Просочилось в призрачные чаши.
Голос леса явственно и мудро
Говорит о солнце восходящем.
Чистой росой трава умыта,
Тихий плес под ивовым навесом,
И, как свечки, стройные ракиты
Замерли и ждут начала песен.

Стучите, милые часы,

Стучите, отбивайте время.
Эх! Не хотел бы быть я с теми,
Где нет ни трезвых, ни косых.
Еще немного поживу,
Еще немного погуляю,
Не загублю, не завяжу,
Я это прямо заявляю.
Пускай сама меня найдёт,
Пускай поищет смерть-злодейка.
Но, как последний идиот,
Я не скажу ей — Жизнь — копейка.
Людская жизнь недорога.
А что, скажите, нам дороже?
И взятка, надо полагать,
С ней столкнуться не поможет.
Она придёт, она возьмет за горло,
И пойдёшь попей-ка,

Но, как последний идиот,
Я не скажу ей —
Жизнь — копейка...
1973

ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ

Посредственность всюду рядится в сверхмоду.
И тут же урод, подражая уроду,
Такой расфуфырит наряд и причёску,
Чтоб все вдруг упали, сраженные в доску.
Посредственность всюду рядится в сверхсилу,
Хоть мускулы жидко судьба замесила.
Зато есть компанья, кирпич или ножик,
Зато есть тупая, нахальная рожа.
Посредственность самая страшная, если
Рядится под музыку, рядится под песни,
И рвётся до славы, и рвётся до власти —
Посредственность жизни, посредственность страсти.

РАЗДУМЬЯ

Что-то дикое, злое, зачатое
Над судьбой, над землёй, надо мной.
Это солнце, покрытое пятнами,
Эту жизнь иссушающий зной.
Этот мир, напряженный и ядерный,
Этот тихий рассвет у реки,
И язык испоганенный, матерный,
И божественность строгой строки.
И за эти за все совмещения
Необузданных буйных стихий
У кого попросить мне прощения
За какие, не знаю, грехи.

ЛАВРЫ

Я почию на лаврах.
И буду почивать.
Хотя, быть может, завтра
Мне негде ночевать.
Земля мне будет пухом
И крышей — облака.
Пусть пусто будет брюхо —
Беда невелика.
Я почию на лаврах,
Лавровый лист жую.
Хоть, может, буду завтра

Завидовать жулью.
У них кругом удобства,
Меня ж укроет тьма...
Все в мире очень просто —
Всё горе от ума.
1989 х Березки

ДЕДОВЫ БЕДЫ

Сжигаю я труды души,
Костёр помешиваю палкой...
А деду дом, сараи жалко,
И он ведро несёт, спешит.
Залей, залей тогда водой,
Внутрях бумага разгорится.
Залей, не то и приключится
Пожар...
Не быть бы нам с бедой.
Мой дед, беда уже пришла,
И лучшего уже не будет.
При жизни погибают люди,
Когда сгорает их душа.
Он не поймёт, он скажет:
Бред.
Живые — нет — не умирают,
А вот поджечь плетни, сараи
Они смогут, —
Промолвит дед.
Базы, сараи, этот быт
Не сжечь вовек,
Мой дед, стихами,
Они смиренно затухают,
И вот поэт уже забыт.
Залей, залей же, дед, водой,
Вон уголек еще дымится,
Не то по новой разгорится
Пожар...
И быть нам всем с бедой.

ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Сквозь рёв мотора что-то он сказал
И в вечность взмыл, забыв земные были...
Он людям открывал всю жизнь глаза
На то, чтобы людьми они и были.
«Мы люди, мы родные и друзья,
Не рвите нас связующие узы!..»
На грани смерти крыльями скользя.

Летел он с драгоценным этим грузом.
Земля людей к себе его звала.
Ее он видел чище и синее,
Он падал на неё, не зная зла,
Лишь узы те натягивал сильнее.
Безжизненной Сахары уголок
На склонах дюн живым струился светом.
Он не глазами, сердцем видеть мог
Земные затаённые секреты.
Он чувствовал, как светится родник,
Которым может сердце утолиться,
Как Человек божественно велик,
От Гийоме до Маленького принца...
И, узы дружбы накрепко связав,
Он в вечность взмыл,
Забыв земные были...
Он людям открывал всю жизнь глаза
На то, чтобы людьми они и были...
Ну, что за русская душа?!
Какое адское терпенье!
И темнота, и озаренье,
И доброта, и озверенье,
И не понять в ней ни шиша...
Ну, что за русская душа.
Когда последнюю рубаху,
И буйну голову на плаху,
И к чёрту на рога без страху!
И не понять в ней ни шиша.
Ну, что за русская душа,
И без вина она хмельная.
Смешная, дерзкая, шальная,
Живёт, в себе как будто зная
Что жизнь не стоит ни гроша
1971

СОНЕТНОЕ

Опять наважденье, опять,
Опять мне себя не понять.
И необъятного не объять.
И в этом моем наважденье
И горечь, и наслажденье:
Обнять бы тебя, обнять.
Как это наивно, наивно,
И как ты невинна, невинна,
И как я далек от рожденья —
Опять у меня наважденье.
И может ли быть взаимно?

И что нам друг другу дать?
Зачем тебе горький опыт,
Зачем твой невинный шёпот,
Зачем этот чудный смех,
Зачем этот белый снег
Из прошлых моих утех?
Я слышу командора тяжкий топот,
Вулкан затух, но лавы грозный ропот,
И, может, будет грозным извержение,
Иль, может, будет лишь изнеможенье
И в бесконечность бесконечный бег...
1984
Саратов

Когда ушел один я в день вчерашний,

Когда увидел, молодость губя,
Как унижать умел я сам себя,
Мне стало страшно...
Когда мне говорили все «пропаций»
И я терял в угаре столько дней,
Казалось мне — со стороны видней,
И было страшно...
Когда ночами привиденья пляшут,
И болью весь насквозь пронизан я,
И рядом с жизнью смерть встаёт моя.
Тогда мне страшно...
Но канули в безмолвье эти черти,
И потянулся ровно день за днём,
И то, что было, снова будет в нём...
А это лишь чуть-чуть страшнее смерти.
1974

ДОМА

Не раскис я,
Не разнюнился,
Для себя одно сберёг.
Что на этой тихой улице
Сотни сходятся дорог.
По какой из них не хаживал
И не раз летел в кювет.
Хоронили даже заживо —
Снова вижу белый свет.
На него гляжу задумчиво,
Где, в какой же стороне
Не стоял бы я над кручею,
Не грозила б гибель мне?

Вам, ушедшие тревоги. Улыбаюсь.

Как прошёл пути-дороги, Не покаюсь.
 Сохранил же в сердце песню, Грусть и радость.
 И не жди, судьба, хоть тресни, Не покаюсь.
 Улыбаться, если взбешен, Я стараюсь.
 Был ли, не был в жизни грешен. Не покаюсь.

1961

Эти торные дороги

Мне не нравились вовек.
 Шёл, не глядя я под ноги.
 Шёл в размах степей и рек.
 Шёл, на кочках спотыкаясь,
 Разбивался и вставал.
 Шел и каясь, и не каясь.
 Ждал, когда уж наповал.
 В человеческие дали
 Долго-долго я глядел.
 Был и нежен, и скандалил —
 Это всякого удел.
 Что мне люди,
 Что мне боги,
 Что мне буря и гроза,
 Не ходил я по дороге,
 Опустив в землю глаза.

1958

Стихи, не писанные кровью,

Они особенно в цене,
 И всё моднее славословье,
 И как прекрасен день при дне.
 Гляжу на тихую картинку,
 В испуге замерла рука.
 Всё тот же луг, закат, травинка,
 Всё та же сонная река.
 Дышу все тем же сладким духом
 Цветов, и трав, и тишины.
 Лишь гул волнует землю глухо
 С потусторонней вышины.
 Как будто мы живем в расколе,
 И не с того ль благого дня
 Все кто-то целиться изволит
 Ракетой ядерной в меня.

Отдайся страсти целиком

И не иди тропею ложной.
Кто ты? Святой или безбожник —
Ступай по снегу босиком.
Спи, где придется,
Голодай
И, не завидуя уюту,
За страсти яркую минуту
Потом хоть к чёрту пропадай.
Не бойся зависти толпы
И не показывай гордыни —
Ты одинок в своей пустыне,
Ты видишь даль, они — слепы.
Ты зришь насквозь их жалкий век.
Их удовольствия коварны.
Пускай ты немощный и старый.
Но с гордым духом
Человек.
2003

Сквозь гул тупой толпы

И вопли подлецов
Едва пробиться может разум.
Его зажать хотели б разом
И умертвить в конце концов.
Нетрудно строить города,
И скот растить, и жать пшеницу,
И культивировать убивцев,
Которым круглый год — страда.
Но человеческий жадный мозг
Сквозь глубь веков животной страсти
Да будет миру, как причастье.
Обезумевшему от розг.
1982

Всё равно я останусь тайной

Для себя.
Для других — тем более.
Я попал в этот мир случайно,
Как в неволю.
Было радостно, было печально,
Но легко забываются боли.
Все равно я останусь тайной —

Поневоле.
Январь 2002

МОЛИТВА

Прости меня, мой Бог, прости.
Не так я шел, не так я падал.
Не в той у жизни был чести.
Прости... Хотя прощать не надо.
Ведь не раскаюсь я ни в чем:
Ведь боль была, была и радость,
Был сам себе я палачом.
Прости....
Хотя прощать не надо.
И лишь из жизни отпусти
И без надежд, и без отрады.
Прости, за всё меня прости.
Прости....
Хотя прощать не надо.
2003

РЕКВИЕМ

Пора! Прощай!
Природа жертву просит.
Она одна — любовница и мать.
И Дон меня куда-то вдаль уносит,
Ни обернуться, ни обнять...
Увы, напрасно задавать вопросы:
Кто я, зачем и почему здесь жил,
А Дон меня навеки вдаль уносит...
Не удержать. И не держи.
Прости, прощай!
Ни гнева, ни упрёка,
Изъедена, истерзана душа.
Да, я устал от всех своих пороков,
Устал я жить, надеяться, дышать.
Нет-нет, меня не поминайте лихом.
Сотрётся память, канет без следа.
И на земле
так будет тихо-тихо:
Весенний вечер, небо и вода...
2003

Забвенье, вечность, пустота —

Уже ни звука, ни дыханья.
А ты — святая простота —
В поре прохладной увяданья.
88

Меня забыла ты давно.
Но, может, вспомнишь мимолетно,
Что нам обоим суждено
Быть в наслаждении полёта.
Что нам на землю не упасть,
Что чуждо душам всё земное.
Бывает же такая страсть —
Я — не с тобой, ты — не со мною.
Не оборвется эта нить
    мгновенье вечного покоя.
Мы оба долго будем жить,
Сердца людские беспокоя.
2004

Ни денег, ни славы, ни изданных книг,

А жизнь лишь всего изувеченный миг.
О чем мне жалеть? Только взять умереть,
    Была б лишь недолгой желанная смерть.
2002

СУД

Где Бог, мессия?
Где судья Грехам уже сверхчеловечьим?
Людей их разум искалечил —
Течет безбожная ладья.
Мы мнили — гениальный ум
Возвысит нас и наши души,
Оковы рабства он разрушит,
Освободит от тяжких дум.
Пустопорожние мечты —
Уже мы с ними в бездне ада,
В нее нам бесконечно падать,
Тонуть в оковах суеты.
Что значит Жизнь?
Что значит Смерть?
Нам не постичь умом убогим...
Не-е-ет, мы — людишки, мы не боги,
И дальше некуда звереть.
2003-2004

Сколько слов хороших было сказано,

Сколько не сумелось их сказать.
Уходить из жизни надо сразу бы.
Обрезать — так сразу обрезать.
Ах, слова! Какая гибнет сила в них!

Лучше бы, конечно, помолчав,
Уходить, как уходили сильные.
Никому в судьбе не отвечать
Немалый срок прошел.
Немалый срок
Словами жизни не обманешь.
Куда-то же несёт нас рок?
А призрак, призрак — тот в тумане.
Не к призраку ль стремимся мы.
Который манит из болота?
И даже лучшие умы
Сумел тот призрак обработать.
Но, может быть, наступит час,
Но, может быть, он не наступит.
Так долго заводили нас,
И вот толочь нам воду в ступе.
Доволен кто-то, кто-то рад,
Ему живётся в мире лучше,
И не один ползучий гад
Кого-то долго будет мучить.

ЖЕЛАНИЕ

Когда бы мог я так запеть,
Чтоб вам на миг оцепенеть.
Чтобы мурашки по рукам
Струились легче ветерка,
Тогда и можно умереть.
И стать травинкой и росой,
И снова кто-нибудь босой
По ней бежит за счастьем дня.
Совсем не зная про меня
В краю над речкою лесной.
Пусть видит тихий дым лугов
И отраженье берегов
В глуби живого хрусталя,
И пусть не знает, что земля
Друзей покоит и врагов.
Лишь только б ветер доносил
До слуха тихий стон осин,
Чтобы напомнить обо мне
Лесной осенней тишине,
Я б эту землю попросил.

Запела ты про синь лесную,
Про золотые облака.
И вспомнил юность, и весну я,
И, может, чуточку взгрустнул я,

Как тихим вечером река.

И мощь, и ширь в глуби томится,
И плеск раздался в тишине.
Крылом тугим взмахнула птица,
И хочется сейчас напиться
Воды донской, прохладной мне.

А в затуманенной прохладе
Две пары белых лебедей
Плывут в таинственном наряде...
Ты смолкла.
Гаснет даль во взгляде,
И вижу лица я людей.

***

СТИХИ НА ФОЛЬГЕ***

Таких, может быть, и тысячи
На свете, на этом есть,
Профиль ее был высечен,
Как золотая жечь.
Увидел ее я в комнате
В сумрачной темноте.
Такою не враз запомните
В тихой ее простоте.
Она просто так светилась –
Свет лила в никуда.
Но только она не скатилась
На землю уже никогда...
Пронзенный далеким лучиком
В наш век скоростей и ракет,

Я почему-то измученно
Глядел на далекий свет.
Она потихоньку замерла,
Глядя в мои глаза.
Но где-то была она за миром,
Куда долететь нельзя.
И все-таки я попробовал
Со скоростью тишины
Найти в своем сердце особое,
Чему не слова слышны.
И тут же пришло возмездие
От глупой судьбы людской
Мы с нею по звездам ездили
В лодке со жгучей тоской
Мы с нею подолгу вечером
Глядели в огонь костра,

Мы сами себя калечили –
А страсть так была остра!
И черной бездумной полночью
Под тишину воды
Были лучи испорчены
У тихой моей звезды.

1979 г.

*** /стихотворение написано экспромтом на фольге
от сигарет, так как под рукой не оказалось ни
бумаги, ни ручки/

Вечерний сумрак, тишина,
Вода и небо неподвижны,
И в глубине спокойной вижу,
Что ты одна.
Я вижу эта глубь до дна,
Доступны дали мне и выси,
Один средь звезд и снова мнится,
Что ты одна.

Вселенная пуста и холодна,
Разбросаны миры в ней, как попало,
И оттого мне всей вселенной мало,
Что ты одна.

Ведь ты всегда так близко мне видна,
Куда б меня и как не заносило.
Сильней всех притяжений эта сила,
Что ты одна.

* * *

Ночь светла и легка,
Так светла, что светлей не бывает.
И вздыхает река,
Словно что-то в глуби убывает.
И плывут облака
Белоснежные с лодкою рядом.
Ты ведь ждешь рыбака,
Ты ведь ждешь....Потому, что так надо.
Плавно сети плывут,
Опускаются тихие весла.
Люди проще живут,
Только жить с рыбаками непросто.
Я окликнул сову,
И она мне в ответ рассмеялась.
Словно сон наяву
Навалилась на плечи усталость.
Только ночь-то светла,

Так светла, что светлей не бывает.
И луна от весла
Недалеко совсем проплывает.
И уходит весна,
Как ушли наши прежние весны.
Ты ведь тоже без сна –
Ты ведь рядом со мною на веслах.
1969 г.

* * *

ПРОЩЕНИЕ

Когда клубятся тучи, словно ад,
И молнии смятенье предвещают,
Когда прощенья просят и прощают,
Тебя простить я тоже был бы рад.

Когда на берег рушатся валы,
Ломая и устои, и причалы,
Я, вопреки разнузданной молвы,
Хотел бы, чтобы ты была сначала.

Тогда, мне кажется, что рухнут в забвенье
Сомнения раздерганного быта,
И ты впервые будешь мной открыта,
Как обнаженной страсти бытие.

Тогда себя мы можем обрести
Под буйными от гнева небесами.
Прости меня, чтоб я тебя простил.
За что прощать, - об этом знаем сами.
1986 г.

* * *

Страсть не бывает без стыда.

Но страсть и стыд несовместимы,
Они всегда друг другу мстили,
И будут, - будут мстить всегда.

Но без стыда бывает ложь.
И если обнажены жены,
Перед натурой обнаженной
Не вспыхнет пламенная дрожь.

О! Это сметь или не сметь!
Испепелиться в невозможном,
Любовное прекрасно ложе,
Куда стыдимся мы смотреть.

Стыдись же взгляда, нагота,
Храни в себе святую тайну,
Чтобы нежданно, нечаянно
Сверкнула светом темнота.

ЖРЕЦЫ

Пусть обнаженная и гордая
Она стоит пред алтарем,
Еще измученная родами,
С младенцем к Богу на прием.
Пускай стоит перед распятием,
Пусть раздастся пальцев хруст,
Не оскверняют лишь проклятия
Ее полураскрытых уст...
Ей не постичь высокой мудрости,
Младенец - Богу светлый дар.
Не голодать ему на улицах,
Он никогда не будет стар.

Жрецы – служители надменные,
Готовы грех огню предать,
Пред ними вывезжены стены,
Им в этом храме благодать.
И вот под этим звездным куполом,
Где Боги есть
И есть жрецы,
Я чувствую, какие глупые
Бывают у миров концы.

Нет мудрости мудрей рождения,
Нет в старости мудрей конца,
Но нет для нас освобождения
От страшной миссии жреца

ОЗАРЕНИЕ

Татьяне Б.

Как я узнал, что ты, есть ты,
В каком бесовском наваждении,
С каким неясным наслаждением
Вдыхал я дым своей мечты.
Как я узнал, что ты – есть ты?

Мне было, в общем, все равно,
Пускай не ты, не та, не эта,
Пускай не Таня и не Света,
Пускай недавно и давно,

Мне, в общем, было все равно.

Но ты есть ты и это точно,
Мне словно кто-то подсказал
Твой профиль чуточку восточный
И чуть цыганские глаза,
Но ты – есть ты и это точно.

Так вот какая ты! Ого!
С собою сладить ли сумею?
Я все посмею, что не смею,
И мало будет мне всего.
Так вот какая ты! Ого!

Судьбу не надо умолять,
И умалять ее не надо,
Когда обрушится преграда,
Зачем в ней что-то поправлять,
Судьбу не надо умолять.

Все было, будет только так,
Все будет так, а не иначе,
И если за столом заплачешь,
То под столом молчи, дурак,
Все было, будет только так.

Пусть вечер, ветер и мороз,
И месяц дремлет в колыбели,
Я хохочу в чужой постели
Взахлеб, неистово, до слез,
Пусть вечер, ветер и мороз.
И мне она несет воды,
Свой стан изнеженно качая,
Несет, ничуть не замечая,
Что тут лишь капля до беды,
И мне она несет воды.
Но пить от смеха не могу,
И расплескаю эту кружку
На простыню и на подушку,
На все, что так не берегу,
Но пить от смеха не могу.

Зачем кому-то понимать,
Что самому мне так понятно,
Что чей-то голос слышу внятно:
Пора, пора себя унять».
Зачем кому-то понимать.

Я знаю, что давно пора,
Не надо слов, не надо взглядов,
И ничего уже не надо
Ни во дворе, ни у двора.
Я знаю, что давно пора.

Но озарится полумрак
Чуть-чуть цыганскими глазами
И что-то я еще узнаю,
Узнаю, сам не зная, как,
Но озарится полумрак.

Какая боль! Какие сны!
Какие дикие кошмары!
Какой загадочный и старый
Мир в ожидании весны.
Какая боль! Какие сны!

Но все равно придет весна,
Протянет ласково ладони,
Мое родимое обдолье
Опустит в птичьи голоса.
Но все равно придет весна!

Тогда б увидеть мне глаза,
В которых дрогнули слезинки,
Глаза, которые скользили,
Поймать которые нельзя,
Тогда б увидеть мне глаза.

А если чуть не доживу,
Не додышу, не дотревожусь,
А если – вдруг!.. А если, может,
Я носом в снег, а не в траву...
А если чуть не доживу?

Тогда припомни обо мне,
Но так: ни весело, ни грустно,
Когда одна... и только чувство
Как будто кто-то там, в окне,
Тогда припомни обо мне.

Иногда вспоминай обо мне,
Иногда вспоминай в тишине
Легкой ласки растаявший звук
И тепло ускользающих рук.
В жизни мало бывает минут,
Когда руки не мнут и не рвут,

Когда руки тепло берегут
И не лгут.
Льды сковали и душат реку.
Мне бы надо понять, дураку,
Мало счастья дано рыбаку
На веку.
Но когда проломлю ломом лед,
Тело зыбко качнется вперед
И над бездной играющих вод
Вдруг замрет.
И кружится слегка голова,
И ненужными станут слова,
И все беды мои трын-трава,
Ты права.
Нет к печали особых причин,
Коль ты родом из тех, из мужчин,
Что срывается в пропасть в ночи,
И молчит.
Как звезды промелькнувшей огонь,
Ты меня своей памятью тронь,
К тишине приложи лишь ладонь,
Только тронь.
Только пусть не следы на снегу,
А цветы, лишь цветы на лугу.
Я их все для тебя сберегу,
Я не лгу.

Подожди, отойду я немного
От хлопот и пустых и злых —
И поверю в тебя, как в Бога
Люди верят во время грозы.
И под блеск твоих синих молний
Осеню я себя крестом,
И промчат тебя бешено кони,
И раздавят меня колесом.
Только вот ни во что я не верю.
Ах, как много пустых потерь! —
Ты за мной запираешь двери —
Ни во что я не верю теперь

Прощай, любимая,
Не встретившись,
Прощай.
Мельком встречались
Наши взгляды,
Но мне ведь
Большого не надо,
Ты большего не обещай.

Прощай, любимая,
Не встретившись,
Прощай!

В сердце должны быть тайны.
Тайны любви и потерь.
Слишком уж много случайных
Стало теперь.
Встретишь — целуешь в губы,
Так... отдавая дань,
И преступаешь грубо
Тут же заветную грань.
Может, кому-то мнится —
Дань сей любви хороша?
Общипанная жар-птица
Наша душа.
16. 04. 1974 г.
* * *

Дон вздохнет,
Туманами укрытый.
Спит река.
Просеивает дождик
Через сито
Облака.
Дон пустынен осенью глубокой,
Обмелел.
Спит река.
И ночь ползет с востока
По земле.
Затяжная ночь.
Сырая осень.
Тишина.
Никого уж ни о чем не просит
Эта сторона.
Берег черный с осыпью корявой
Да лешачий крик.
Горький берег –
Гибель и расправа...
Спи, старик... 1973 г.
* * *

Куда-то наши песни подевались?

Я – сын степей – забыл мотивы предков,
И редко-редко
Напомнят мне их, солнечные дали.
Когда весна,
Когда звенят просторы жаворонком,
98

Так звонко – звонко,
Что сыплются на землю небеса,
Я в степь иду
И улыбаюсь солнцу
И далям притуманенных полей,
А над землею,
Как сказочный табун несется.
Их гривы развеваются по ветру,
И словно слышен стук глухой копыт,
И степь летит
С размахом на полсвета!
И все во мне тогда звенит до дрожи,
Вливая струи бешеные сил,
День удила, помчавшись, закусил,
Чеканной сбруей звонко мир тревожа.

1957 г.

* * *

Вот она, Сибирь голубоглазая,

С синею далекою тайгой,
Не ступал на ней еще ни разу я
Промеж сосен робкою ногой.
Я ступлю и к елочкам разлапистым,
Подойду зеленый мех потрогать,
А потом доверчиво и запросто
Душу изолью лесному Богу.
Испокон мне путь сюда завещанный
И не знаю, по какому случаю,
И какие страсти, что за женщины,
Долго меня так на свете мучили.
Много видел в жизни я фальшивого,
За улыбкой взглядов недоверчивых,
Не они ли душу порешили мне,
Не они ль родную искалечили.
Подожду...
С затянутыми ранами
Я войду в чертог большой и строгий.
Хочется...

Скажи ты...

Ну, не странно ли...

Помолиться мне лесному Богу.

1973 г

* * *

Идут дожди холодные и злые,

Россия в пасмурной грязи.
И низко тучи грозовые,
А там, хоть мертвых вывози.

Уже обобрана до нитки,
С душой надломленной от грез,
Тебя вели вожди на пытки
Босую в гибельный мороз.
По лагерям, по зыбким топям
Входила Русь на плаху ты,
И снежные кружились хлопья,
Твои надгробные цветы.
Но ты воскреснешь,
Ты воскреснешь,
Ты воскресала столько раз!
Не будет лжи и лживых песен,
Пропетых кем-то на заказ.
* * *

Сибирь встречала Ермака,

Не моего ли земляка,
Снегами, бурями и гнусом
И преграждали путь урусам
Татары, реки и века.
Кругом дремучая тайга,
Простор невиданного края,
Здесь люди не искали рая,
В природе видели врага,
Но тек все дальше на восток,
Сей край угрюмый обживая,
То иссякая, то рождаясь
Людской безудержный поток.
Шли каторжане в рудники
По долгим трактам звон кандалный
Тот люд мятежный и скандальный
Грядущего проводники.
Тайга еще не обжита,
Но искалечена изрядно.
Кому-то есть здесь вход парадный,
Кому-то глушь и маята.
1978 г.   г. Новосибирск

ПУСТЫНЯ

Пески, пески пустыни необъятной
И тишина...
И долгий след тоски,
И, золотясь, безбрежные пески
О чем-то шепчутся невнятно.

И даль времен в обломках древних храмов,
И сфинксов равнодушная печаль,

И миражей, встающих из туманов,
Обманчивая, сказочная даль...

Манили и сманили караваны,
Что канули в пустыню навсегда...
И призрачные страны, города
Встают опять загадочно и странно.

Аллах ли тут могущество свое
Простер над обнаженными песками,
Чтоб стиснуть грудь отчаянья тисками,
Когда исчезнет синий водоем.

Но вновь и вновь упрямый человек
Идет и верит миражам пустыни,
Он видит торжество свободных рек
И чистоту, и обнаженность линий.

Он снова верит в истины Корана,
В песках пустынь безбрежный произвол,
Куда, зачем несчастных он завел,
Где прахом растворились караваны.

Не разгадать безбрежную тоску,
В ней что-то есть извечно человеческое,
Что Богу и себе противореча,
Бредет по раскаленному песку.

КРУГОВОРОТ

Опускается плавно в воду
Солнце по небосводу,
Из расплавленного стало красным,
Опускается, словно гаснет,
Словно больше уже не встанет,
Словно солнца совсем не станет.
Начинается ночь земная
И совсем я, совсем не знаю,
Как сейчас, в этот миг коснется
Чьих-то глаз восходящее солнце.

* * *

Узнал я, что такое храбрость,

Узнал я, что такое страх,
Узнал я, что такое слабость,
Что не сдержать себя в руках.

Узнал я, что такое скромность

И что такое хвастовство,
Узнал я, что такое совесть
И что такое воровство.

И что такое наслаждение,
И что такое пустота,
И что такое наваждение
Над бездной белого листа.

И что такое боль разлуки,
И что такое радость встреч,
Узнал я, что такое муки,
Когда себя не убережешь.

Беду узнал, узнал и радость,
Нажил друзей, нажил врагов.
Не так и мало мне досталось,
Но отчего же эта жадность,
Что не хватает мне всего.

* * *

Ни мать, ни брат и ни жена –

Никто понять уже не может,
Какою беспросветной ложью
Моя судьба окружена.

В каком я злом застрял кругу,
С какой борюсь нечистой силой,
Что называют все Россией –
Найти Россию не могу.

Где светлый край?
Где светлый дождь?
Где светлая струится память?
Где наше боевое знамя?
И где наш вождь?

16. 04. 1974 г.

УБИЙСТВО

Зачем молиться лебедям?
И лебедь глуп, и лебедица.
И все же, к озеру придя,
На них мне хочется молиться.
Их поклониться торжеству
Изящности средь вод и лилий,
Их поклониться божеству
Томительных надменных линий.

Беру ружье, взвожу курки,
И мушка замерла у цели.
И грохот из моей руки
Дорожкой ровной дробь постелет.
Летите, лебеди, туда,
Где нет людей, их жадных взглядов,
Ведь мы друг друга иногда
Вот так убить бы были рады.
11. 1982 г.

* * *

Вновь никем не виданное утро

Просочилось в призрачные чащи.
Голос леса явственно и мудро
Говорит о солнце восходящем.
Чистой росой трава умыта,
Тихий плес под ивовым навесом,
И, как свечки, стройные ракиты
Замерли и ждут начала песен.

* * *

РЫБАКИ

Синие, синие,
Синие дали
В синем заливе

У края земли
Без суеты
Паруса поднимали
И уходили
Без нас корабли...
Снились нам чайки
И снились причалы,
Снились нам пальмы
На островах,
Волны во сне нас
На рейдах качали,
Песни нам пела
Их синева...
Где эти сны,
Так давно отсинели,
Серым-пресерым
Сереет рассвет,
И сигареты
В губах отсырели,
Еле синеет
Дымок сигарет,

Стиснуты зубы,
Упрямые скулы
И равнодушно
Холодный взгляд.
Лица обветрены,
Плечи сутулые
И не оглядывайся
Назад.

ТРАГЕДИЯ

Нормальные люди не знают трагедий,
Нормально работают, пьют и едят...
Трагедия дома
И вон, у соседей,
Отсутствует в ней лишь кинжал или яд.

Кинжал или яд заменяют упреки.
Ведь столько в них яда, что только держись!
Все наши обиды,
Все наши пороки,
Вся наша прошедшая лживая жизнь.

Нам ядом давно поотравлены души,
Острее кинжала бывает язык,
Кого же винить-то?..
Жену или мужа –
К трагедиям век наш
Подобным привык.

И травим, друг друга порой мелочами,
Не зная, не ведая, что и к чему?
Мы вроде бы сами себе палачами,
Нормальные люди живут по уму.

У них все нормально
И все же печально,
Трагедия жизни кому-то не впрок...
А те, что кричали,
Давно замолчали,
Давно измельчали поэт и пророк.

1 марта 1988 г.

ЧЕЛОВЕК

Ну, что же,

Не устал ли ты творить
Насилье над собою, над законом,
И с вечностью не колокольным звоном,
А языком эфира говорить?
И, может быть, услышит где-то Бог,
И разберет той азбуки значенье,
И ужаснется нашим изречениям,
Что Человек все сможет, что не мог
Доделать Бог...
Тебе дано творить,
И натворил уже ты слишком много
Добра и зла,
И чем ты хуже Бога,
Чтоб с божеством на равных говорить?
Ты ради веры жертвуешь собой,
Но не святой лампадной этой веры,
Ты был бы подлецом и лицемером,
Когда бы с Богом сам не рвался в бой.
Закрела вечность двери на замок,
Мы к ней ключи, отмычки подбираем,
Не надо нам ни ада и ни рая,
На страшный суд нам нужен только Бог.

3 февраля 1988 г.

* * *

Хохочу я, хохочу я, хохочу!..

Хохочу, и хохотать-то я хочу.
И хоть знаю, очень не приличный
Смех мой истеричный.
Хохочу и не расплачусь никогда,
Слезы – подсоленая вода,
Просто подсоленая водичка,
Плакать неприлично.
Неприлично взять и зарыдать,
Лучше уж до слез дохохотать
Водку пить, буяннить, петь и драться,
Ох, как неприлично это, братцы.
Вот и перестал я хохотать,
Баб любить и денежки мотать,
Что ж, и с удивлением заметил,
Неприлично жить на белом свете. 1973 г.

ГОЛОС ИМЫ СУММАК

Притихший, слушал голос Суммак,
Он плыл, как вечность и как сумрак,
Как солнца плавленный опал,
Пещеры древние и скалы

Воображенье рисовало,
И сфинксом инков рисовало
Изображение из скал.
Притихший,
Сжатый,
Полон силы,
Я видел древние могилы,
И шум ветров,
И рев зверей
Меня терзали, возбуждая
И силы жизни пробуждая
В груди разверзнутой моей.

Я видел мир большой и строгий,
В котором, может, жили Боги
Во всем величии веков,
Судьбы не знавшие оков.
Они ведь жили, Боги, жили,
Иль им из камня жизнь сложили?
Легли и в песни, и в преданья
Их каменные изваянья.

А я узнал,
Какую пропасть
Таю в себе –
И Бога гордость,
И унижение раба, -
По мне веков прошла судьба.

А голос рвался на пределе,
Как нервы в обнаженном теле
На раскалившейся скале,
И опускался в глубь ущелий,
И глухо рокотал в земле...
Но вот он, миг,
И я увидел,
Как оживает древний идол,
Как напряглись вдруг жилы скал
И дышит каменная глыба –
В ней голос душу отыскал.

ВЕЧНОСТЬ

Ну вот, ты и пришла,
Спокойно без фанфар,
Без стука в дверь
Неслышно и незримо...
И понял я,

Как жизнь необозрима,
Как молод я
И безнадежно стар...

Ну, вот ты и пришла
Из нечто и ничто,
Кто ты?
Открой, коль можешь эту тайну,
Ты не мечта,
Ты то, что за мечтой,
Ты не обман,
Ты то, что сверх обмана.
Ну, вот ты и пришла...

Открой свое лицо,
Ведь ты не смерть,
Ты то, что выше смерти,
Ты не конец,
Ты дальше всех концов,
Ты то, что есть
И нет чего на свете...

* * *

ЖАДНОСТЬ

Мир поражен жестокой жадностью
И сам себя пожрать готов.
Нет ни к чему ни капли жалости.
Да, люди превзошли скотов!..
Нет, не желанья, сверхжелания
Уже у наших жадных ртов.
К чему, какие воздержания?!
Да, люди превзошли скотов!..
Кто жаждет Бога, очищенья
От всех грехов путем постов?
Никто! Тогда, прошу прощенья,
Да, люди превзошли скотов.
27 января 1991 г. х. Березки

БАРДУ.

Твой голос прозвучал с магнитофонов,
Как будто перехваченный петлей,
Ты от насмешек злых дошел до стонов,
Ты был пиратом в песнях,
Но не тлей.

Смеялся хрипло ты,
И зло, и едко,

Тая в душе и в песнях боль и грусть.
Средь этих поэтических объедков
Ты не был трус.

Тебе заткнуть бы глотку были рады
И затыкали, только, как могли,
Ты не был никогда певцом эстрады,
Ты был певцом своей родной земли.

Все было так:
И тяжелой жизни бремя,
Когда кругом и прихвостни и тля...
Небрежно со страниц смахнет их время,
И прах поглотит вечная земля.
1984 г.

* * *

Ну, что за русская душа?!...

Какое адское терпенье!
И темнота, и озаренье,
И доброта, и озверенье,
И не понять в ней ни шиша...
Ну, что за русская душа,
Когда последнюю рубаху
И буйну голову на плаху,
И к черту на рога без страху!..
И не понять в ней ни шиша.
Ну, что за русская душа,
И без вина она хмельная,
Смешная, дерзкая, шальная,
Живет, в себе как будто зная,
Что жизнь не стоит ни гроша.
1971 г.

РЫБАЦКОЕ

Мой дед был рыбаком
И я рыбак,
И рыбу ловим мы, не губим.
Мы далеки от всяких дрызг и драк,
Мы ближе к небесам в подводной глуби.

И наша философия проста,
Не ловим в сети мы людские души.
Зачем же в воду прыгают с моста,
Не лучше ли сгубить себя на суше?

Ах, это в воду прячутся концы,
Душевных драм и всяких преступлений,
И в сети попадают мертвецы
Уже отживших поколений.

В реке была когда-то чистота,
Живой водой смывалась грязь пороков,
Затем ли люди прыгали с моста,
Что небо им казалось так глубоко.

Мне сети вглубь не стоит запускать,
Не стоит в них ловить людские души,
Где грязь и хлам, там смертная тоска,
Не лучше ли сгубить себя на суше?

февраль 1988 г г. Саратов

* * *

За кем-то жизнь.

Кому-то дорог праздник
Веков, унесших долю бытия.
Кого-то счастье призрачное дразнит,
А кто-то подышает от нытья.
Какой порок!
Какая в сердце удасть!
Там за чужой рассвет потерянной любви
Я может тоже ждал свершенья чуда
И жаждал обновления крови.
Я человек эпохи вдохновенной
На правду, ложь, богатство, нищету,
На верность, на коварство и измену,
На созерцание, покой и суету.
Кто знает жизнь?
Страстям кто знает цену?
Наступит день рождений и разрух.
И изо рта планеты хлынет пена,
И может мир постигнет чей-то дух.
Взовьется он в слиянии гармоний,
Собою, переполнив небеса,
Над каторгой бессмысленных агоний...
И вновь взойдут сожженные леса.
Какая скорбь, что этого не будет,
Какой кошмар творится в голове!
Ведь так мелки в своих постельках люди,
И так они прекрасны на траве.
Опять скольжу по сумраку поэзий
Неясен путь, но светел горизонт.
1969 г.

ЛОЖЬ

Я был с народом,
Вместе с ним страдал
И вместе нес
Нелегкой жизни бремя,
Да, пили мы,
Такое было время,
Такая наша общая беда.

Да, пили мы,
Спивался кое-кто,
А были те,
Что вовсе не спивались,
Они на этом деле наживались,
И не понять,
Кто больше был скотом?

Тот, кто последний рупь тащил в кабак,
Иль те, что не побрезговав рублями,
Себя вдруг возомнили королями
Над сборищем не только нас, гуляк.

Не трудно нас спойть, сгноить,
Когда душа у русских нараспашку!
Когда в беде последнюю рубашку,
Когда кругом все «братцы», все «свои»

Коварен враг,
Не сразу разберешь
Его личину, мерзкие повадки,
И только там,
Где не закон, а взятки,
Не пьяная,
А истинная ложь.

февраль 1988 г.

НИРВАНА

Наверно, я попал в нирвану.
Не надо думать ни о чем.
И не болят былые раны,
Ни холодно, ни горячо.
Не строю ни каких прогнозов
И о политике ни-ни...
Не лью над этим миром слезы...
Зевнул разок, еще зевни.
Живу по собственным законам,

А там – террор, насилье, месть!
А там, хоть кто в Наполеоны –
Они в любом дурдоме есть.

МОЛЧАНЬЕ

В смятеньи чувств
И в страхе покаянья
Нет гордых слов,
Нет вызова Богам.
Бывал и я в подобном состояньи,
Но я молчал
И никогда не лгал.

Я не молил
И не просил пощады.
И лишь проклятья стискивал в зубах.
Поверженным
Молчание – отрада,
Но это не молчание раба.

Восстал –
И человек!
И рвутся снова
Со дна души возмездия слова,
Но как непостижимо и сурово
Молчанье в человеческих правах.

августа 1986 года.

ИСТИНА

Я истину улавливал на грани,
Когда в сомненьях мечется душа,
В огне неуголенности желаний
Я горьким дымом истины дышал.

Я трезвым шел к своей заветной цели,
Оценивая каждый в жизни шаг.
И подходил, и видел, цепеня,
Что эта цель не стоит ни гроша.

Чему сжигал огонь своих желаний,
Чему бесценный дар тревожно нес?
Меня миры манили миражами,
Но я бежал от их безумных грез.

Построил дом, в котором жить не в силах,
Разжег очаг, который не согрел.

Меня змея сомненья укусила,
И я бежал из дому на заре.

Но нет неутоленности желаний,
Как будто сам себя я пережил.
Теперь бы мне бежать за миражами,
Сомненья змий унес те миражи.

НА РАСПУТЬЕ

«Направо пойдешь – коня потеряешь,
налево пойдешь – живым не воротишься,
прямо пойдешь - ...»

Я встал на распустье,
Дороги
Расходятся вдаль, как лучи,
Какую бы выбрать из многих?
А сердце молчит.

Ах, мне бы полегче, мне ту бы,
Где есть и весна и грачи,
Где встречу я милые губы...
А сердце молчит.

Мне много бы солнца, простора,
Зачем мне теряться в ночи,
И вдаль устремляюсь я взором,
А сердце молчит.

Забейся ж, проклятый комочек,
Какую? – скорее стучи,
Вон дело-то близится к ночи,
А сердце молчит.

Ну ладно, сиди под рубахой,
Трусливое сердце, сиди.
И встал, и пошел я без страха,
Вдруг сердце забилося,
Иди!

ПРИЗНАНЬЕ

Я все запомнил,
Я не забуду,
Когда и трепет,
Когда и трудно.
И ночь длиннее,
И много мыслей,

И все виднее,
И все так близко.
Я не надеюсь.
Я не жалею.
Ты мне роднее,
Когда чужая.

ВСТРЕЧА

А душу под пальто не спрячешь
И ты не кутайся в него.
Полу смеешься, полу плачешь
В сиянии зыбистых снегов.

Ты не встречаешь, не встречаешь,
Ты просто так пришла взглянуть
На возвращение печалей,
На непутевый чей-то путь.

И в затуманенном привете
Одно сумел я угадать,
Что без тебя не жить на свете,
И что с тобой опять страдать.

* * *

Наверно не в этом гордость,

Что так я теперь одинок.
Над Доном в любую погоду
Горит мой скупой огонек.

Но только он взгляда не манит,
Никто на него не спешит.
И близость его не обманет
Ничьей запоздавшей души.

И если за ужином скудным
Забудусь кусок теребя,
То ты, кому холодно, трудно,
Подумай, что ждут и тебя.

* * *

Я свое бы счастье

Разорвал на части,
И в порыве страстном

Все раздал несчастным.
Но не надо части
Им чужого счастья.

1954 г.

ПРЕСС

Снова вижу: четыре стены, потолок,
Ни окон, ни дверей, ни путей, ни дорог,
Только стены сжимаются уже и уже,
Только давит меня безнадежности ужас.
Те же стены, но рядом и дверь, и окно,
Лишь наружу мне выйти уже не дано.
Я пытался уйти далеко-далеко!...
Те же стены, и двери, и я, и окно,
И все ниже и ниже висит потолок,
Ни двери, ни окна, ни путей, ни дорог.
Тишина. Ни души, я как будто в гробу.
Но живой я, живой – заклинаю судьбу,
Что зажала в четыре заветных стены,
Что четыре зажали меня стороны.
В высоту я не рвался, – туда я не мог...
Те же стены и двери, окно, потолок.
Закричать? А кому? Кто услышит мой крик?
Я – живой, я – живой! Я – глубокий старик!
Может, Он? Может, Он? Я не верил Ему,
А теперь погружаюсь в кромешную тьму.
Ни молитвы, ни стоны, ни вздоха в груди,
Это – сон, это – явь, это – тьма впереди...
Чем я болен? Узнал бы, помиловал Бог.
Те же стены и двери, кровать, потолок...

1989 г. х. Березки

* * *

Расскажи мне, где ты ходишь,

Что ты ищешь в мире этом?
Что ты слышишь в звоне ветра
Металлическом, холодном?

Звон стоит по всей планете,
Шум моторов оглушает,
В тишине таится вечность...
Все быстрее дни бегут.

* * *

Выйду, выйду я навстречу

Собственной судьбе,
Истаскаю, изувечу,
Сука, вот тебе!..

Верил я ей годы, годы,
Много лет подряд.
Где надежды?
Где свобода?!
И чему я рад?
Из меня хотела сделать
Своего раба,
Ах, как много ты хотела,
Милая судьба!
Потихоньку, полегоньку
Жала там и тут,
Рвется нитка, если тонко,
Тоненько прядут.
А на душу не наденешь
Кованых цепей,
У меня свои владенья –
Пой, поэт и пей.
И совсем не зря ночами
Грезится петля.
Вижу, как мой труп качает
Грешная земля.
Но не мне конец настанет,
А конец тебе.
Ведь хозяева мы сами
В собственной судьбе.
1974 г.

* * *

Подражания

Двуличие, – когда ты без лица,
Двуличие – личина подлеца.
Но если ты, как многоликий Янус,
То, может быть, сойдешь за мудреца.

* * *

В воде он не тонет, в огне – не горит,
Он нужные речи всегда говорит.
Всегда на поверхности плавает что-то,
Что в руки, мой друг, никогда не бери.

* * *

Что ты посеешь, то и пожнешь,
Прибыль дает – немалую – ложь.
Нищими были всегда правдолюбцы,
Так для чего ж ты по правде живешь?

* * *

Нет крыши прочнее, чем тверди небес,
Подпоркой не служат им горы и лес.

Но мы их обрушить на головы можем,
И нет никаких в этом деле чудес.

* * *

Нет, я не думаю, что смерти избегу,
Что умереть навеки не смогу.
Не думаю, но все же как-то мнится
У мироздания вечно быть в кругу.

* * *

Кто, Бог важнее или смерть?
Кому вопрос задать посметь?
Без смерти не увидишь Бога,
Мы не спешим попасться смерти в сеть.

* * *

Если каждый оденется в рубище сам,
Будет тошно на землю глядеть небесам.
Ведь Господь осудил пресыщенье и роскошь,
А цветами одел и поля, и леса.

* * *

От любви до любви очарованных глаз
Можно раз отлюбить, можно тысячу раз.
Ведь у каждого с каждой есть что-то такое,
От чего каждый раз мы впадаем в экстаз.

* * *

Если этот напиток – отравка и яд,
То зачем же любой пригубить его рад?
Только вот в чем беда, если выпьешь без меры,
То наутро из рая отправишься в ад.

* * *

Ценим больше всего мы на свете любовь,
И любому доступна она, и любой,
Можно раз отлюбить, можно - два, можно - много,
Ну, а ты, Человек, недоволен судьбой!

* * *

Нас судьба выбирает для жизни сама,
Можно умным прожить, и прожить без ума.
Дураку этот мир, может, кажется раем,
А для умного он зачастую, - тюрьма.

* * *

Жизнь нас учит и учит, но все-то не впрок,
Возомнишь, что и сам ты мудрец и пророк..
Все пороки людские ты разом осудишь,
Только свой осудить не захочешь порок.

* * *

Кто советы дает, кто использует их,
Но советы даются всегда для других.
Как прожить, не кривя мне душою на свете,
Я наслушался вдоволь советов благих.

* * *

Один всю жизнь молился, а другой
Уже стоял в аду одной ногой...
Не оказалось рая там и ада.
Живи, пока живется, дорогой.

* * *

И руки отнялись, и ноги, и покой,
Не шевельнуть рукой или ногой...
Но дай лишь, Бог, любимую увидеть
Зарю, догоревшей за рекой.

* * *

Все больше с каждым годом в мире зла.
Добро увидишь – и в глазах слеза.
Все больше к злу мы в жизни привыкаем,
Как будто без него прожить нельзя.

* * *

Она была юна, как серп луны,
Что вдруг возник среди звезд и тишины.
Но эта свежесть так недолговечна,
И все округлости, как у луны полны.

* * *

Я умереть уж много раз бы мог,
Не знал бы столько болей и тревог.
Но все еще живу, не умираю,
Не в силах тот переступить порог.

* * *

Все бомбы, что нацелены в меня,
Все пули, что нацелены в меня,
Меня ж судьба убить ладошкой может.
Будь проклят мир, коль сгинет от огня.

* * *

Упал я, друг. Меня свалил недуг.
Но ты иди, иди закончи круг,
Что вечная судьба нам предлагает,
И обрывает все надежды вдруг.

* * *

А завтра для меня не станет дня.
Я не увижу яркого огня.
Последний день. А был когда-то первый,
Когда и я садился на коня.

* * *

Когда-то мы не встретились с тобой,
Была ты лишь мечтою голубой.
Тебя одну среди всех боготворю я,
Ты ж просто хочешь сделаться рабой.

* * *

Немного дней прошло и много дней,
И каждый день я думаю о ней,

О той одной, которую не встретил,
Я с каждым днем богаче, не бедней.

* * *

Ты промелькнула, но твои черты
Украсили навек мои мечты.
Тебя я каждый день мечтаю встретить,
Но почему встречаешься не ты.

* * *

Искал я наслаждений, но вино
Дарило наслаждение одно,
То забытье, когда ты будто умер,
И глубже опускался я на дно.

* * *

Есть сорт людей, что залезают в душу,
Чтоб все святое в ней загадить и разрушить,
Они себя друзьями величают,
Но были бы врагами,— было б лучше.

* * *

Жил человек — творил, любил, страдал,
И все, что мог, потомству передал.
Как уберечь потомков от пороков?
Загадки той никто не угадал.

* * *

Настанет век, настанет звездный час,
Мир будет не таким, какой сейчас,
Тебе его, потомок, оставляем,
Но ты, увы, проклясть лишь можешь нас.

* * *

Я мальчиком в любви перегорел,
И тот огонь всю жизнь мне сердце грел,
Твои глаза раздуть пытались пламя,
Но как раздуть, коль хворост отсырел.

* * *

Я от своей любимой без ума,
Я вижу - у нее достоинств тьма.
И только жаль, никто того не видит,
Не ведает о том она сама.

* * *

И в космос человек уже проник,
А на земле иссяк уже родник.
Взамен себя, готовя к жизни внука,
Лишь этим утешается старик.

* * *

Когда на свет рождается тиран,
Он рвется к власти, славе, как таран,
Он думает в веках себя оставить,
Но будет сам острижен, как баран.

* * *

Правитель был всемогущ, как Аллах,
Но не было добра в его делах.
Себя он превзошел. И тирания
Его рассыпалась и превратилась в прах.

* * *

Судьба соединила нас с тобой,
Но что подделаешь, не спорить же с судьбой.
Она, быть может, просто пошутила.
Прошли года и время бьет отбой.

* * *

Быть может, осень, грустная пора,
Быть может, мне домой давно пора.
Дрожит в лесу осина. Домовину
Я б сделал сам, да нету топора.

* * *

«Судьба, прошу, не пожалей добра»,
Добро творить тебе давно пора.
Зачем же зло творишь ты неустанно:
То дождь, то снег, то холод, то жара.

* * *

Всю жизнь я пил отраву или яд,
И той отраве был я несказанно рад.
Теперь же я развалина – развалин,
И у меня одна дорога в ад.

***

Андрею Вознесенскому

Ах ты, умница!
В лицо ножа цепенеюще
Глядится мрак,
А я, дурак,
Выхожу на улицу,
Осторожно переставляя ноги,
Округленно набитый дурак
Я вхожу в чертоги,
Где проживают боги. –
В Переделкино.
    Переделали.
    Переделаем.
Всю землю выметем веником
    солнечных лучей.
И вот я уставился сверхобалдело
В здание Вознесенского
Из нечто,
    гранитных глыб,
        и необожженных кирпичей.
Я думаю:
    пахнет мочой,

с огромным стальным молотком.

Человек всенезнающезнающий,
Воздвигающий

дворцы без потолков.

1969 г.

ТВИСТ

Да, праздник кончился.
Разгромлены столы,
И черепа проломаны, и чаши,
Побит хрусталь, облеваны углы...
Кто стонет, кто хрипит, а эти пляшут.
Она дрожит плечами вверх и вниз,
Сгибаясь станом – волосы до пола...
И мертвые глаза, как будто вдрызг
Ее споили и пустили голой.
И начисто забывши про нее,
Он молча, с искаженными устами,
То валится на спину, то встает, ...
Ох, кто бы им сказал, чтоб перестали.
Страшной агоний пыток эта жуть,
Безумство заведенного движенья.
Свяжите их скорей,
Не то рожу...
И вдруг я сам, не я,
А наважденье...
Разбита рожа,
Сломана рука,
В спине четыре ножевые раны,
Я тихо поднимаюсь в облака,
Вихляясь озабоченно и странно.
Ах, я пляшу,
Я тоже заплясал,
Как молния мечусь я в мрачных тучах,
Сжигаю мир и рушу небеса,
Леса, дома в моих горят созвучьях!
Напалм и лазер,
Водородный смерч,
Бушуют страстью в этой пляске странной.
Над головой моей сверкает меч,
Я тихо обезглавливаю страны.
Тела их изгибаются, живут.
Изломы рук загадочней агоний.
И словно заколдованная жуть –
Протянутые к вечности ладони.
Скользя в крови,
Вихляясь и дрожа,

Тебя сломать не могут бури –
От непогоды гнешься ты.
Но вновь в сиянии лазури
Твой строгий облик красоты.

Ты – красота родного края,
Тебя любить мне суждено.
И до того ты мне родная,
Хоть я давно ушел на дно

1 сентября 2003 г.

* * *

Анне М....

Ты мне также нужна, как петля,

Как покой, как предел, как забвенье.

Опостылела, люди, земля,

Даже нет ни к чему озлобленье.

Равнодушие давит давно,

И душа отмерла, отлетела,

Ни любить, ни желать не дано,

Не болело бы брренное тело.

То одышка, ломота в костях,

В переломах и всяких ушибах.

Слишком долго я пробыл в гостях,

Слишком много наделал ошибок.

В чем же дело? Накинуть петлю

И повеситься, кажется, просто...

Не тебя, а мечту я люблю –

Слишком остро.

03. 2004 г.

* * *

Немалый срок прошел. Немалый срок.

Словами жизни не обманешь.

Куда-то же несет нас рок?

А призрак, призрак, тот в тумане.

Не к призраку ль стремимся мы,

Который манит из болота.

И даже лучшие умы

Сумел тот призрак обработать.

Но, может быть, наступит час,

Но, может быть, он не наступит.

Так долго заводили нас,

И вот толочь нам воду в ступе.

Доволен кто-то, кто-то рад,

Ему живется в мире лучше.

И не один ползучий гад
Кого-то долго будет мучить.

ПОКОЙ

И нет покоя небу и земле,
И нет душе желанного покоя.
И б сытости, в уюте и тепле
Забыли люди что это такое?

Нет нищих, что по снегу босиком
В глухие годы войн брели дорогой.
Нет журавлей, что грустным косяком
Курлыкали над нивою убогой.

Серебряные птицы в вышине,
Прохожие, как в праздник разодеты.
Но нет покоя, в тихой стороне
Когда повисла гибель над планетой.

Не все ль равно, чей палец в страшный миг
Нажмет на эту кнопку роковую.
Покоя нет...В сознании страшный сдвиг –
Да неужель безумье возликует?!

ПОЭЗИЯ

Кому в наш век поэзия нужна?
Наш век жесток —
Поэзия нежна.
Кому нужна поэзия?
Скажи!
Самообману иль красивой лжи?
Зачем она в жестокий этот век?
Чтоб был бессмертным
Смертный человек.

ВДАЛЬ

Тихий край, задумчивые ивы
Завтра мне придется покидать.
А сегодня снится сон счастливый:

Вижу, что мальчишка я опять.
Вижу, за околицей маячат
Миражи качнувшихся морей.
Расставаясь с юностью, не плачут,
А уходят, лишь бы поскорей.

И берут с собою так немного —
Дым мечты да тощий чемодан...
Я пойду. Мне хочется потрогать
Океаны, страны, города.

Может быть, я где-то там устану
И не раз присяду отдохнуть.
Все равно свои открою страны.
Край родной,
Пора, пора мне в путь.

1954 г

Лес наполнен вешним звоном.

Ах, какие чудеса!
В майском сумраке зеленом
Хоровод ведут леса.

Как кружатся ясень с ивой,
Поглядеть хотелось мне.
Подойду — они пугливо
Замирают при луне.

Вновь иди, куда, не знаю,
Танец медленный вокруг.
Только рядом пред глазами
В грусти несколько подруг.

Обошел я их сторонкой
И назад внезапно — глядь!
Хитроумные девчонки
Тоже стали танцевать.

Лес наполнен вешним звоном,
Ах, какие чудеса!
В майском сумраке зеленом
Хоровод ведут леса.

***

Зайду в осенний лес,
Пронизанный лучами,
И вижу там и здесь
Уже следы печали.

Сорвется спелый лист
В задумчивом покое.
И только слышен свист
Синицы над рекою.

И тихий водоем
Пустым окном мерцает.
И лес, как тихий дом,
Покинутый жильцами

** *

Зимний сон

Мягкий снег кружит, пушистый,
На душе тепло.
И поземкой серебристой
Тропки замело.
Замер лес. Мохнаты ветви,
Тишина вокруг.
Солнце матовое светит
В рое белых мух.
Снег кружится и кружится
В сонной вышине.
И деревьям что-то снится,
Что не снилось мне.
Может, слышат соловьиных
Песен голоса.
Серебристой паутиной
Спутав волоса.

1954 г.

***

В дым костра рыбачьего,
В это пламя с тучами
Смотрит озадаченно
Моей жизни лучшее.

Побродил по свету я
Разными дорогами.
Много в жизни светлого,
Дыма — тоже много.

С дыма не заплачу я,
Пусть глаза слезятся —
Угли в них горящие
Ярче отразятся.

Дым костра рыбачьего,
Это пламя с тучами,
Молодость горячая,
На огонь везучая!..
1964 г.

РАЗЛИВ

Бледнеет восток.
В предрассветной тиши
Слышно —
Деревья роняют сок,
Весна спешит...
Ты слышишь? Не спишь?..
Ну, зорюй... —
И уходит старик
К лодкам...
Там уток испуганный крик
И всплеск одинокий весла
Я слышу... И сплю... И шепчу:
Полчаса...
Сам просыпаю часок...
Встал.
Солнце лучи кидает наискосок
В реку, в леса, в голоса.
Через старый окоп, сквозь кусты напролом —
Сон пропадает вмиг.
Вбежал, глянул —
Просторно, светло,
Утка испуганно машет крылом,
И далеко на лодке — старик.
Кричу:
Эгэ-гэй! И в ответ:
Эгэ-гэй!
Долго спишь, соловей,
Проверяй вентеря!..
Вижу, рыба в них бьется,
И брызги на солнце горят,
И солнце смеется.
С добрым утром!
Доброе утро!
В плавнях гуляет парок белокудрый.
С добрым утром! — Кричать бы на всю планету:
С добрым утром, теплом и светом!
И шепчу я деревьям это
И притихшим пернатым друзьям:
С добрым утром, сторонка моя!
Рыба скачет по лодке, бьется,
Наполняется садовня.
Все выше и выше солнце
Нового дня.

Перекур...
Забывая усталость,

Я лежу, взглядом в небо уставясь.
Дед сидит.
По обрывкам газеты
Про то прочитает, про это.
Горячо и вполне объективно
Рассуждает о том и о том
И следит, как вдали реактивный
Опоясал полнеба хвостом...
- Да, брат, скажи секрет,
Будет война аль нет?
Не знаю, наверное, нет,
Войны просто быть не может,
Тогда ведь весь мир уничтожат...
Молчит старик.
В думах
Идут минуты,
В глазах угрюмых
Мелькает будто:
Пожарищ пепел,
Товарищ мертвый,
И степи, степи
Летят наметом ...
Разрывов смерчи
Над степью черной
И встречи в сечи
Глухой, упорной!..
И встречи дома:
Денек побывки.
В глазах мелькают
Ее улыбки.
Они все реже,
Такая доля.
И губы — тверже,
В них больше боли.
Не жизнь, а войны,
Одни разоры
Покрыли землю
Сплошным позором.

Прошли минуты. Смеюсь:
Старик,
А что война-то?
Ты к ним привык?
Старик лукаво
Взглянул в ответ:
Что я, то — правда,
А ты, брат, нет...
Тишина.

Аа-у!..
Она.
Плыву.
Старик кивает вслед.
Хитро кивает дед.

В палатке у вас хаос...
Вот, принесла папирос.
А это?
Это вам с дедом Иваном
Перед едою по полстакана.
Ты и не ждал меня, ты и не рад!
Нет, не жена у меня — дипломат.
Небритьё, обросший,
Ох, не глядела б!..
Ухи бы сварила — полезное дело...

Вечер. Закат. Догорает костер.
Чайник кипит. Воздух. Простор. ,
И время.
Дремлет старик. Старик-кремьё.
И внезапно:
Эх!
Пролетел мой век.
Пролетел.
Хотел не хотел — пролетел... —
И я чувствую
Времени бег...

Весна спешит...
Слышал, брат, не спишь?
А что?
Как вздохнула земля.
О чем?
Кто же знает... Тепло.
И земле благодать.
И хватает сейчас ей труда
Всё растёт, всё цветёт
Прибывает вода...
— Это ж вечно, старик?
— Да.

***

Пускай жесток к поэту этот мир,
Когда безумие им правит,
Поэт идет, идет на бранный пир,
Не думая о почестях и славе.
Блаженен он, когда среди людей

И радости, и боли рядом нижет,
И с праведником чокнется злодей,
И каждый, каждый был унижен.
Так этим справедливы мы
В своем ничтожестве глубоком,
Что нас встают из тьмы
И тьмы и тьмы
От запада и до востока.
Но в нас кипит священных чувств накал,
В нас закипает,
А азиатская тяжелая рука
В своем безумии слепая.
Нас усыпить хотели, всыпать яд
Нам раболепия и покорства.
Но был в нас ад,
Останется в нас ад
И это адское упорство.
Не покоримся мы,
Не склоним головы,
Кровь азиатская бунтует!
И если мы бываем неправы,
Мы отвергаем ложь святую.

1974 г.

***

ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ

Каждый отвечает за себя.
Безответных нет людей на свете.
Разве слишком старые да дети,
И любя,
И веря,
И грубя,
Каждый отвечает за себя.

За себя ответить я могу,
И когда случится неудача,
От людей души и глаз не прячу,
Оттого скажу и не солгу,
За себя ответить я могу.

За себя ответить я могу,
Но гордятся сильные не этим.
На одной мы все живем планете,
Перед ней мы все в одном долгу,
Перед нею все за всё в ответе.

***

В ЛЕСУ

Придѣшь в осенний лес,
Пронизанный лучами,
И видишь там и здесь
Уже следы печали.
Сорвѣтся спелый лист
В задумчивом покое.
И только слышен свист
Синицы над рекою.
И тѣмный водоѣм
Пустым окном мерцает,
И лес - как тихий дом,
Покинутый жильцами.

Россия

«Россия – сфинкс», - сказал пророк.
Не раз она до тла сгорала
И воскресала в должный срок.
Мечи меняя на орала.
Не мы в себе побеждены,
Нас сокрушала злая участь
Страною правили вожди.

***

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Ночь черна. Вода черна.
Миги молниевых вспышек
Озаряют борт челна.
Ждем грозы, но гром не слышен.
Тишина. Немая жуть.
Рыба плотно вышла на мель
Даже сети не свяжу
Я дрожащими руками.
Ночь черна. Вода черна.
Но все ближе, ярче вспышки.
Начинаем?
Начинай!..
Мы грозе навстречу вышли

На судьбу не сетуй, мама:

Жить иначе не смогли бы мы.
Вон деревья —
Ровных мало,
Все с сучками да загибами.
За мои загибы часто

Мне бывает плохо.
Только, мама, ты сейчас-то
Не стони, не охай.
Без сучков-то занеможет
Этой жизни буйство.
Так и людям —
Жить не гоже
С гладкоствольным чувством

ХОРОВОД

По-над Доном
Песни, звоны —
Не девичьи голоса,
В майском сумраке зеленом
Хоровод ведут леса.
Как кружат над плесом ивы,
Подглядеть хотелось мне.
Подойду — они пугливо
Замирают при луне.
Лес наполнен
Вешним звоном
Ах! Какие чудеса!
В майском сумраке зелёном
Хоровод ведут леса

ЗАБРОШЕННОСТЬ

Деревни дикие, деревни
В лесах заброшены, в песках,
Стоят унылые деревья,
Как древнерусская тоска.
На скособоченную хату
Легла усталая луна,
И полилось серебро и золото
Из омертвелою окна.
Здесь мир как будто околдован
В покойном беспробудном сне.
Лишь нержавеющей подковой
Река блестит во всей красе.
Росли здесь витязи и девы,
Куда исчез их гордый дух?
Давно забытые напевы
Едва улавливает слух.
А где-то в мире сверхполезном.
Уже за тридевять земель,
Скрипят заржавленным железом
Врата несмазанных петель.
1 марта 1988 года

ГОНЩИК

Он обгоняет день за днем
Надежды, судьбы и прохожих,
Он обгоняет вс?, что может,
Вращая бешено рулем.
Ему фанфары протрубят
На краткий миг!..
И снова мчится,
Мелькают улицы и лица,
Он обгоняет сам себя.
Он был в авариях не раз,
Но жмет на газ на поворотах,
И мимо годы,
Годы,
Годы,
И жизнь мелькает мимо глаз.
Он знает, гонке нет конца...
А если...
Вдруг...
А что случится!..
И все же к финишу стремился
С застывшей маскою лица.

ЧЕЛОВЕКУ

Сквозь рев мотора что-то он сказал
И в вечность взмыл,
Забыв земные были...
Он людям открывал всю жизнь глаза
На то, чтобы людьми они и были.
«Мы люди, мы родные и друзья,
Не рвите нас связующие узы!..»
На грани смерти крыльями скользя,
Летел он с драгоценным этим грузом.
Земля людей к себе его звала,
Ее он видел чище и синее,
Он падал на нее, не зная зпа,
Лишь узы те натягивал сильнее.
Безжизненной Сахары уголок
На склонах дюн живым струился светом.
Он не глазами, сердцем видеть мог
Земные затаенные секреты.
Он чувствовал, как светится родник,
Которым может сердце утолиться.
Как Человек божественно велик
От Гийоме до Маленького принца...
И, узы дружбы накрепко связав,
Он в вечность взмыл,
Забыв земные были...

Он людям открывал всю жизнь глаза
На то, чтобы людьми они и были...

БРЕЙК

Электронная музыка,
Танец роботов — брейк,..
Вот с такими-то музами —
В двадцать первый век.
Электронными виршами
Ломая слог,
Стал превыше всевышнего
Компьютерный бог.
Человечьего робота
Он уже создает.
Без эмоций, без ропота
Будет выведен род.
Не тоской, а бездушием,
Что страшнее тоски,
Робот роботку душит,
Взяв в стальные тиски.
Никакого безумия
Электронных бродяг.
Вместо музыки — зуммеры,
Или трах! Тара-рах!

2 февраля 1988

ОСИНЫ

Над самым Доном,
                    над обрывом,
Стоят высокие и тонкие осины.
В разливы их смывало, уносило.
И замерли осины горделиво.

Они глядят задумчиво на воду,
Как будто знают, что их все посмоет.
И что-то затаённое, лесное
В них всё грустней-грустнее
                    год от года.
Им отступить назад нельзя ни шагу.
Но гордая в их кронах непокорность.
Я почему-то долго и упорно
Гляжу на обречённую отвагу.

Косачи, ах, косачи,
Эти зори горячи.
Мы пришли за уткой.
Мне немного жутко,
Как в лугах она кричит.

Как тут быть?
Ну, как тут быть?!
Всё равно ведь будем бить,
Если разрешили,
Где-то там решили
Селезней весной добыть.
Не токуют косачи,
Утка тоже не кричит.
Тишина оглохла.
И - всё реже грохот.
Что же совесть-то молчит?

НА СУДЬБУ НЕ СЕТУЙ, МАМА:

Жить иначе не смогли бы мы.
И деревьев ровных мало —
Все с сучками да загибами.
Ма, хоть ты бы понимала,
В равноте людской загибнем мы.

И завязнет, и засохнет
Этой жизни буйство.
Без сучочка жить-то плохо
С гладкоствольным чувством.

За мои загибы часто
Мне бывает грустно.
Только нет, не в этом счастье,
В гладкоствольном чувстве.

Тонким льдом затянуты лужицы,

Словно лед, чиста синева,
И сверкает, уже не кружится —
Обосененная листва.

В сердце нет ни тоски, ни радости,
И покоя в нем тоже нет...
Как забыть о весенней сладости,
О сиянии прошлых лет?...